



КРИСТИН ХАРМЕЛЬ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
«ЗАБВЕНИЕ ПАХНЕТ КОРИЦЕЙ»

КНИГА
УТРАЧЕННЫХ
ИМЕН

Захватывающая, трогаящая сердце история о том,
что не должно быть забыто. — *Library Journal*

Кристин Хармель
Книга утраченных имен

Издательство «Синдбад»

2020

Хармель К.

Книга утраченных имен / К. Хармель — Издательство
«Синдбад», 2020

ISBN 978-5-00131-404-2

Эта книга – основанный на реальных событиях времен Второй мировой войны во Франции рассказ о двадцатитрехлетней девушке Еве, которая, используя свой талант художника для изготовления поддельных документов, помогает сотням еврейских детей бежать от нацистов в нейтральную Швейцарию. Дети получают новые, вымышленные имена и не смогут долго помнить свои настоящие. Ева и ее возлюбленный Реми решают сохранить их настоящие имена и зашифровывают их в старинной книге, которой дают название «Книга утраченных имен». В результате предательства ячейка Сопротивления прекращает работу, Реми пропадает, книга оказывается в руках нацистов... Спустя десятилетия живущая в Америке Ева узнает о том, что книга находится в Берлинской библиотеке, и покупает билет на самолет...

ISBN 978-5-00131-404-2

© Хармель К., 2020

© Издательство «Синдбад», 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кристин Хармель

Книга утраченных имен

Kristin Harmel

THE BOOK OF LOST NAMES

Copyright © 2020 by Kristin Harmel Lietz

Published in the Russian language by arrangement with Nova Littera SIA

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2022

Перевод с английского Наталии Нестеровой

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

Korpus Prava

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2022

* * *

Посвящается моим сестрам из Суон-Вэлли: Венди, Эллисон, Алисон, Эмили и Линде, которые понимают, как могут понять только пишущие и читающие люди, что книги меняют судьбы.

А также всем продавцам книжных магазинов и библиотекарям, которые прилагают столько усилий, чтобы книги – а они ведь способны изменить жизнь – оказались в руках тех, кому они больше всего нужны.



Глава 1



Май 2005

Она попала мне на глаза в субботу утром в разгар моего рабочего дня в публичной библиотеке Винтер-Парка.

Книга, которую я в последний раз видела больше шестидесяти лет назад.

Книга, которую считала безвозвратно утраченной.

Книга, которая была для меня всем.

Она оказалась прямо передо мной, на фотографии в «Нью-Йорк таймс», оставленной кем-то развернутой на стойке для возврата книг. Я взяла газету, и мир вокруг погрузился в тишину; моя рука дрожала почти так же сильно, как и в тот день, когда я в последний раз держала эту книгу. «Этого не может быть», – шептала я.

Я смотрела на фотографию. С нее на меня глядел мужчина: лет семидесяти, с тонкими и редкими снежно-белыми волосами и широко поставленными, слегка навывкате глазами за выпуклыми стеклами очков.

Заголовок в газете гласил: «Через шестьдесят лет после окончания Второй мировой войны немецкий библиотекарь ищет законных владельцев, чтобы вернуть им украденные книги». Мне хотелось крикнуть этому мужчине на фотографии, что я и есть законная владелица книги, которую он держит в руках, этого фолианта в потускневшем кожаном переплете, отклеившемся в правом нижнем углу, и с названием на позолоченном корешке: «Послания и Евангелия». Она принадлежала мне и Реми – мужчине, который давным-давно умер и о котором после войны я поклялась никогда больше не вспоминать.

Но, несмотря на все мои старания, на этой неделе я все-таки думала о нем. Ведь завтра – восьмое мая и мир будет праздновать шестидесятую годовщину победы в Европе. В этот день, когда все молодые телеведущие станут говорить о войне с таким торжественным видом, словно они и правда способны понять, какой была та война, мне невольно придется вспомнить о Реми. О времени, которое мы провели вместе, о людях, которых мы спасли, и о том, чем все это закончилось. Мой сын утверждал, что мне несказанно повезло сохранить столь острый ум в преклонном возрасте, но у каждого дара есть своя обратная сторона.

Очень многое мне хотелось бы забыть.

Я старалась прогнать от себя непрощенные воспоминания о Реми и сосредоточилась на статье. Человека на фотографии звали Отто Кюн, он – сотрудник Берлинской Центральной и Земельной библиотеки, и делом его жизни стало возвращение книг, украденных нацистами. Очевидно, что в его библиотеке собраны тысячи подобных книг, но та, которую он держал в руках – моя книга, – по его словам, не давала ему спать по ночам.

«Это религиозное сочинение, – поведал Кюн репортеру, – мое любимое среди множества хранящих тайны сокровищ, которые можно найти у нас на полках. Книга напечатана в Париже в 1732 году, она очень редкая, но не это делает ее такой необыкновенной. Уникальность книги заключается в том, что внутри нее мы обнаружили интригующую головоломку – нечто вроде шифра. Кому он принадлежал? Что означал этот код? Как книга попала в руки немцев во время войны? Эти вопросы преследуют меня все время».

Я чувствовала, как слезы наворачиваются на глаза, хотя сейчас они были совершенно неуместны. Я смахивала их, сердясь на себя за то, что спустя столько лет я все еще даю волю

эмоциям. «Не так уж и плохо, – тихо сказала я фотографии Кюна, – когда вас преследуют вопросы, а не призраки».

– Хм, миссис Абрамс? Вы что, разговариваете с газетой?

Голос младшего библиотекаря Дженни Фиш рассеял туман моих воспоминаний. Она относилась к тому типу людей, кто готов жаловаться по любому поводу. Похоже, ей доставляло особое удовольствие намекать мне, что в мои восемьдесят шесть лет пора уже подумать о выходе на пенсию. Она всегда с подозрением разглядывала меня, словно не могла поверить, что у человека моего возраста остается искреннее желание здесь работать. Она не понимала, как можно любить книги так страстно, что порой кажется: без них ты просто умрешь, перестанешь дышать и существовать. По правде говоря, мне представлялось странным, почему она вообще стала библиотекарем.

– Да, Дженни, разговариваю, – ответила я, не поднимая глаз.

– Но, наверное, вам не стоит так поступать на виду у посетителей библиотеки, – заметила она без намека на иронию. – Вдруг они подумают, что у вас старческое слабоумие? – У нее напрочь отсутствовало чувство юмора.

– Спасибо, Дженни, за, как всегда, дельный совет.

Дженни мрачно кивнула. Совершенно очевидно, что она не улавливала сарказм маленькой седовласой бабули, на которой та все еще способна.

Но в данный момент у меня не было на нее времени. Все мои мысли занимала книга. Книга, которая таила в себе так много секретов. Книга, которую у меня забрали, прежде чем я успела выяснить, есть ли в ней ответ на один-единственный и необычайно важный для меня вопрос.

А теперь возник этот мужчина, в руках у которого – разгадка, способная пролить на все свет; и нас отделяет друг от друга лишь один перелет.

– Но осмелюсь ли я? – шепнула я фотографии Отто Кюна. И ответила на собственный вопрос, прежде чем сомнения успели закрасться в душу: – Я должна. Я обязана ради детей.

– Миссис Абрамс? – Дженни снова обратилась ко мне по фамилии, хотя я тысячу раз просила ее называть меня Евой, ведь других, более молодых библиотекарей, она звала по именам. Но, увы, я для нее всего лишь старая леди. Это одна из неизбежных особенностей старости – с годами твоя личность в глазах окружающих постепенно стирается.

– Да, Дженни? – Я наконец-то удостоила ее взглядом.

– Вы не хотите пойти домой? – Вероятно, она спрашивала, ожидая, что я откажусь. На ее губах появилась легкая усмешка, она была уверена, что утвердила свое превосходство надо мной. – Чтобы немного прийти в себя.

С невероятным удовольствием глядя ей прямо в глаза, я улыбнулась:

– Да, Дженни, большое спасибо. Думаю, именно так я сейчас и поступлю.

Взяв с собой газету, я ушла.

Вернувшись к себе – в уютный дом с верандой, находившийся всего в пяти минутах ходьбы от библиотеки, – я включила компьютер.

Да, у меня был компьютер. И я умела им пользоваться. У моего сына Бена отвратительная привычка: в моем присутствии он нарочито медленно произносил компьютерные термины: «ин-тер-нет», «э-лек-трон-на-я по-чта», как будто я не способна разобраться во всех этих технологиях. Но я особо не винила его. Он появился на свет через восемь лет после окончания войны, к тому времени я уже покинула Францию и мое прошлое осталось там. Бен знал меня как библиотекаря и домохозяйку, не всегда способную четко выразить свои мысли на английском.

Со временем у него сложилось превратное мнение, будто я была самым заурядным человеком. Как бы он отреагировал, если бы узнал правду? Я сама виновата, что никогда не рассказывала ему, не пыталась исправить эту ошибку. Но вы не представляете, как это тяжело –

выбраться из надежной и уютной защитной оболочки, в которой ты привыкла скрываться, и сказать: «Вообще-то, друзья, *вот* кто я на самом деле».

Возможно, я также боялась, что отец Бена, мой муж Луис, уйдет от меня, если узнает, что я совсем не такая, какой он хотел меня видеть. Он все равно покинул меня десять лет назад из-за рака поджелудочной железы. Я скучала по его обществу, хотя меня не покидала странная мысль, что я и раньше вполне смогла бы без него обойтись.

Я зашла на сайт «Дельты», – видимо, эта привычка осталась у меня с тех пор, когда Луис часто летал в деловые поездки и был участником бонусной программы этой авиакомпании. Цены на билеты просто заоблачные, но у меня неплохие сбережения. Сейчас около полудня, один рейс вылетал через три часа, и еще один – в 21:35 с пересадкой в Амстердаме завтра утром и прибытием в Берлин в 15:40. Я немедленно купила билет на последний рейс. Есть нечто символическое в том, что я прилечу в Берлин ровно через шестьдесят лет после того, как в этом самом городе немцы подписали Акт о безоговорочной капитуляции перед союзниками.

По телу пробежала дрожь – то ли от страха, то ли от предвкушения.

Мне нужно собрать вещи, но сначала – позвонить Бену. Он меня не поймет, но, возможно, ему пора узнать, что его мать – совсем не та, кем он ее всегда считал.

Глава 2



Июль 1942

Серое небо над библиотекой Сорбонны в Пятом округе Парижа в любую минуту грозило разразиться дождем, воздух был тяжелым и плотным. Ева Траубе, стоя у входных дверей, мысленно проклинала влажность. Даже не глядя в зеркало, она знала, что ее темные волосы до плеч увеличились в объеме в два раза, придавая ей сходство с грибом. Впрочем, это не имело никакого значения; все равно люди обращали внимание только на шестиконечную желтую звезду, пришитую слева на ее кофте. Эта звезда перечеркивала все остальные черты ее индивидуальности – такие, как дочь, подруга, англофил, пишущий дипломную работу по английской литературе.

Для большинства парижан теперь она была всего лишь еврейкой.

Она вздрогнула, неожиданно почувствовав холод. У неба был зловещий вид: оно словно знало нечто неведомое ей. Мрак, возникший из-за сгущающихся туч, казался физическим воплощением той тьмы, которая накрыла весь город.

«Мужайся, – говорил ее отец, французский которого до сих пор был далек от совершенства, и в нем все еще слышался польский акцент. – Не вешай нос. Немцы смогут причинить нам беспокойство лишь в том случае, если мы сами им это позволим».

Но его оптимизм не соответствовал реальности. Немцы совершенно свободно доставляли французским евреям множество неприятностей, не спрашивая разрешения у Евы и ее родителей.

Ева снова посмотрела на небо и задумалась. Она собиралась вернуться домой пешком, чтобы не пользоваться метро, где ввели новые правила: евреи теперь могли ездить только в последнем, самом жарком и душном вагоне. Но раз вот-вот начнется дождь, то, возможно, лучше бы спуститься в подземку.

– *A, mon petit rat de bibliothèque*¹, – послышался низкий голос у нее за спиной, выдернувший Еву из ее размышлений. Даже не оборачиваясь, она поняла, кто это, ведь только один из Евиных знакомых ласково называл ее «моим маленьким книжным червем».

– *Bonjour*², Жозеф, – сухо ответила она, почувствовав, как загораются ее щеки, – он ей нравился, и это ее смущало. Жозеф Пелетье, один из немногих студентов факультета английского языка, носивший желтую звезду, в отличие от нее был евреем только наполовину и не соблюдал религиозных традиций. Жозеф, высокий, широкоплечий, с густыми темными волосами и светло-голубыми глазами, напоминал кинозвезду. И Ева знала, что многие девчонки с ее факультета согласились бы с ней, даже католички, чьи родители не допустили бы, чтобы за их дочерьми ухаживал еврей. Впрочем, Жозеф был не из тех, кто привык ухаживать. Скорее, он попытался бы соблазнить вас в темном углу библиотеки, а затем оставил бы на грани обморока.

– У тебя ужасно задумчивый вид, малышка, – сказал он, улыбаясь и целуя ее в обе щеки в знак приветствия. Его мать знала Еву с рождения, и он обращался с ней так, словно она все еще маленькая девочка, как в их первую встречу, хотя теперь Еве было уже двадцать три, а Жозефу – двадцать шесть лет.

¹ Мой маленький книжный червь (фр.). – Здесь и далее – прим. пер.

² Здравствуй (фр.).

– Да вот размышляю, пойдет дождь или нет, – ответила она, отстраняясь от него, прежде чем он успел заметить, как она зарделась от его прикосновений.

– Ева. – От того, как он произнес ее имя, ее сердце учащенно забилось. Когда она осмелилась снова посмотреть на него, его взгляд был полон тревоги. – Я искал тебя.

– Зачем? – На мгновение у нее появилась надежда, что он скажет: «Чтобы пригласить на обед». Но нет, мысль абсолютно нелепая. Да и куда они могли пойти? Для людей, которые носили желтые звезды, все заведения были закрыты.

Он наклонился к ней:

– Чтобы предупредить. Говорят, назревает нечто нехорошее. Массовые аресты. В пятницу. – Он горячо дышал ей в ухо. – У них в списке двадцать тысяч евреев, родившихся за границей.

– Двадцать тысяч? Но этого не может быть!

– Еще как может. Моим друзьям стоит верить.

– Твоим друзьям? – Их взгляды встретились. Разумеется, она слышала о подполье, о людях, которые вели подрывную деятельность против нацистов в Париже. Неужели он их имел в виду? Да и кто еще мог обладать такими сведениями? – Почему ты так уверен, что они правы?

– А почему ты в этом сомневаешься? Думаю, тебе и твоим родителям лучше спрятаться где-нибудь в ближайšie несколько дней. На всякий случай.

– Спрятаться? – Отец Евы ремонтировал пишущие машинки, мать подрабатывала портнихой. Денег едва хватало на то, чтобы заплатить за квартиру, и о том, чтобы найти отдельное место для укрытия, не могло быть и речи. – Может, нам сразу снять номер в «Ритце»?

– Ева, это не шутка.

– Я не люблю немцев так же, как и ты, Жозеф, но двадцать тысяч человек? Нет, я в это не верю.

– Тогда просто будь осторожна, малышка. – В это мгновение небеса разверзлись. Жозеф растворился за пеленой дождя, исчез в море зонтиков, раскрывшихся над ведущими от библиотеки дорожками между фонтанами.

Ева выругалась себе под нос. Дождевые капли обрушились на мостовую, заблестевшую в полумраке сумерек, как будто ее полили маслом, и едва Ева сбегала со ступенек, чтобы направиться в сторону улицы дез-Эколь, как сразу же промокла до нитки. Она попыталась натянуть кофту на голову, чтобы защититься от ливня, но звезда, которая была размером с ее ладонь, оказалась прямо над ее лбом.

– Грязная жидовка, – пробормотал проходивший мимо мужчина, чье лицо было скрыто зонтом.

Нет, сегодня Ева не поедет в метро. Она глубоко вздохнула и побежала в сторону реки, над которой, словно глыба, возвышался собор Парижской Богоматери. Домой.

– Как дела в библиотеке? – Отец Евы сидел во главе их маленького стола. Мать, в обтягивающем ее полное тело изношенном хлопковом платье и с вылинявшей косынкой на голове, разливала жидкий картофельный суп – сначала в его тарелку, а затем в тарелку Евы. Они все попали под дождь, и теперь их свитера висели и сушились у открытого окна, а желтые звезды безмолвно взирали на них, как три маленьких солдата, выстроившихся в шеренгу.

– Все замечательно. – Ева дождалась, пока мать сядет, и только потом приступила к скудной трапезе.

– Не знаю, зачем ты продолжаешь туда ходить, – удивилась Евина мама. Она поднесла ко рту ложку с супом и сморщила нос. – Тебе все равно не позволят защититься.

– Все еще изменится, *mamusia*³. Я в этом уверена.

³ Мамочка (польск.).

– Твое поколение такое оптимистичное, – вздохнула ее мама.

– Ева права, Файга. Рано или поздно немцам придется отменить эти правила. Они совершенно бессмысленные. – Отец Евы улыбнулся, но они все понимали, насколько фальшивой была эта улыбка.

– Спасибо, *tatus⁴*. – Ева и ее родители до сих пор ласково обращались друг к другу по-польски, хотя Ева родилась в Париже и никогда не бывала на родине своих родителей. – Как ты сегодня поработал?

Отец посмотрел на свою тарелку с супом.

– Месье Гужон не знает, как долго еще он сможет платить мне жалованье. Возможно, нам придется... – Он быстро взглянул на мамусю, а потом на Еву: – Возможно, нам придется покинуть Париж. Если я потеряю эту работу, то никуда больше не смогу устроиться.

Ева понимала, что рано или поздно этот момент наступит, и все равно эти слова прозвучали для нее как удар в живот. Она знала, что, если они уедут из Парижа, она уже никогда не вернется в Сорбонну и не защитит диплом по английской литературе, над которым так усердно работала.

Над отцом уже давно нависла угроза увольнения, еще с того момента, как немцы стали систематически исключать евреев из французского общества. Но его репутация лучшего во всем Париже мастера по починке пишущих машинок и мимеографов до сих пор спасала его, хотя ему и не позволяли больше работать в государственных учреждениях. Однако месье Гужон – его старый начальник – сжалился над ним и платил за сторонние заказы, которые отец Евы обычно выполнял дома. Сейчас в гостиной стояло одиннадцать пишущих машинок в разной степени разобранности, а значит, впереди его ждала долгая рабочая ночь.

Ева глубоко вздохнула и попыталась найти хоть что-то хорошее в сложившейся ситуации.

– Может, это и к лучшему, если мы уедем, папа.

Он удивленно посмотрел на нее, мать молчала.

– К лучшему, *stoneczko*? – Отец всегда называл ее так. По-польски это означало «солнышко», и ей стало интересно, понимал ли он, сколько горькой иронии заключалось теперь в этом обращении. Ведь что такое солнце, как не желтая звезда?

– Понимаешь, я сегодня встретила Жозефа Пелетье...

– Ах, Жозеф! – перебила ее мать, прижимая к щекам ладони, как влюбленная школьница. – Такой красивый мальчик! Он наконец-то пригласил тебя на свидание? Я всегда надеялась, что вы когда-нибудь поженитесь.

– Нет, мамуся, дело не в этом. – Ева переглянулась с отцом. Похоже, мамуся была до абсурда заиклена на желании подыскать дочери подходящую партию, и это в самый разгар войны. – Он искал меня, так как хотел кое о чем рассказать. До него дошли слухи, что в ближайшие несколько дней планируется облава, в списках – двадцать тысяч евреев, родившихся за границей.

Мать Евы нахмурилась:

– Но это какой-то вздор. Что они будут делать с двадцатью тысячами таких, как мы?

– Но он так сказал. – Ева посмотрела на отца, который до сих пор не проронил ни слова. – Татуш?

– Конечно, это пугающее известие, – сказал он после долгой паузы, очень медленно, обдумывая каждое слово. – Но мне кажется, Жозеф из тех, кто любит все преувеличивать.

– Нет, что ты! Он очень милый молодой человек, – тут же возразила ему жена.

– Файга, он так расстроил Еву и ради чего? Хотел, гордо выпятив грудь, показать, что у него с ней много общего? Хороший молодой человек так бы не поступил. – Отец повернулся к Еве: – Солнышко, я не собираюсь пренебрегать словами Жозефа. И я соглашусь, что-то дей-

⁴ Папа (польск.).

ствительно назревает. Но за этот месяц до меня доходило с дюжину разных слухов, и этот – самый невероятный. Двадцать тысяч? Такого быть не может!

– А если он все-таки прав?

Ничего не ответив, отец встал из-за стола и через несколько секунд вернулся, держа в руке небольшую напечатанную листовку, и вручил ее Еве; та тут же пробежала ее глазами. «Примите все меры, чтобы найти укрытие... Сражайтесь с полицией... Попытайтесь убежать».

– Что это? – шепотом спросила она, отдавая листовку матери.

– Вчера просунули нам под дверь, – ответил отец.

– Почему ты нам не сказал? Это похоже на предупреждение, и то же самое мне сообщил Жозеф.

Он медленно покачал головой:

– Это уже не первая такая листовка, Ева. Немцы правят нами не только с помощью оружия, но и страха. Если мы будем прятаться после каждого ложного предупреждения, они победят, не так ли? Они лишат нас уверенности в завтрашнем дне, ощущения благополучия. Я не допущу этого.

– Как бы там ни было, но мы не сделали ничего плохого, – вмешалась мать. – Мы приносим пользу обществу.

– Не думаю, что в конечном счете это будет иметь какое-то значение. – Отец наклонился и похлопал Еву по руке, а затем коснулся щеки матери. – Но сейчас нам нечего бояться. Так что давайте доедать суп, пока не остыл.

Ева уже потеряла всякий аппетит. Она возила кусочками картошки по тарелке, и ее желудок сжимался от тревоги, которую не смогли развеять слова отца.

Позже вечером, после того как мамуся пошла спать, отец нашел Еву в их маленькой библиотеке рядом с гостиной. Полки книжного шкафа были до отказа набиты книгами, которые они оба очень ценили. Он привил ей любовь к чтению, и это стало одним из величайших даров, который могут преподнести родители своим детям, – ведь, сделав это, он открыл перед ней целый мир. Вечерами Ева с отцом читали вместе в приятной тишине, но сегодня Ева была слишком расстроена. Сев на кушетку, она стала рисовать в своем блокноте. Эта привычка появилась у нее еще в детстве: когда она была взволнована, то начинала рисовать людей и окружающие ее предметы, чтобы немного успокоиться.

– Солнышко, – тихо сказал отец.

Она подняла глаза, и карандаш замер над подробным эскизом скромной люстры, висевшей у нее над головой.

– Я думала, ты лег спать, татуш.

– Мне не спится. – Он сел рядом с ней. – Мне нужно тебе кое-что сказать. Если немцы придут за нами с матерью, я хочу, чтобы ты немедленно отправилась к месье Гужону.

Ева с удивлением посмотрела на него.

– Ты же сказал, что не веришь Жозефу.

– Не верю. Но сейчас постоянно происходят ужасные события. Я буду дураком, если притворюсь, что с нами ничего подобного не может случиться. Но ты, солнышко, не должна пострадать. Ты – француженка. Если нас схватят, беги, пока не станет хуже.

– Татуш...

– Если сможешь, постарайся добраться до свободной зоны... до Швейцарии, там ты будешь в безопасности. Дождешься конца войны. А потом мы приедем к тебе.

Неожиданно она оцепенела от огорчения. Свободная зона? Ее граница пролегла через много километров к югу от Парижа – немцы разрезали страну пополам, согласившись оставить одну половину французам. Швейцария вообще, казалось, находилась в каком-то другом мире.

– Почему мы не можем уехать все вместе? Прямо сейчас?

– Потому что мы сразу привлечем к себе внимание. Я хочу, чтобы ты была готова к тому, что однажды тебе, возможно, придется уехать. Тебе понадобятся документы, в которых не будет указано, что ты еврейка. Месье Гужон поможет тебе.

У Евы перехватило дыхание.

– Так ты уже говорил с ним?

– Да, Ева, и я заплатил ему. Отдал все свои сбережения. Он пообещал мне. У него есть все необходимое, чтобы приготовить для тебя поддельные документы. Это позволит тебе уехать из Парижа.

Она заморгала, пытаясь сдержать слезы.

– Я никуда не уеду без тебя, татуш.

Он взял ее за руки.

– Ты должна, Ева! Обещай, что в случае необходимости ты так и поступишь.

– Но...

– Я хочу, чтобы ты дала мне слово. Я не выживу, если не буду знать, что ты делаешь все для своего спасения.

Она посмотрела ему в глаза.

– Я обещаю. Но, татуш, у нас ведь еще есть время, правда? Придумать план, который позволит нам всем вместе уехать в свободную зону.

– Конечно, солнышко. Конечно. – Но он отвернулся. А когда снова посмотрел на нее, в его взгляде сквозило глубокое мрачное отчаяние, и Ева поняла, что отец сам не верил своим словам.

Два дня спустя в начале пятого утра в их дверь постучали в первый раз. Ева крепко спала, ей снился свирепый дракон, кружащий над замком. Когда она вынырнула из ночного кошмара, ее грудь сжало от страха. «Жозеф был прав. Они здесь».

Она слышала, как отец идет по квартире, его шаги были медленными и размеренными.

– Татуш! – крикнула она, хватая халат и втискивая ноги в стоптанные кожаные ботинки, которые в последний год держала рядом с кроватью на случай, если придется бежать. Что еще ей понадобится, если к ним действительно придут немцы? Стоит ли собрать вещи? Хватит ли ей на это времени? Почему она не послушалась Жозефа?

– Татуш, я прошу тебя! – крикнула она, когда стук шагов отца смолк. Ей хотелось сказать ему, чтобы он подождал, остановил время, задержался в том мгновении, когда еще *ничего не произошло*, но она не могла найти слов. Она вышла из спальни в гостиную. И в этот момент увидела, как отец открывает дверь.

Ева, набросив халат, стала ждать, что немцы, которые наверняка стояли по другую сторону двери, будут лающими голосами отдавать приказы. Но вместо этого она услышала женский голос. А когда отец отошел в сторону, заметила, что его лицо немного посветлело. Через секунды мадам Фонтен – их соседка, живущая в конце коридора, – вошла за ним в квартиру со скорбным выражением лица.

– Папа? – спросила Ева, когда он обернулся. – Так это не немцы?

– Нет, солнышко. – Морщины на его лице еще не расслабились окончательно, и Ева поняла, что он по-прежнему напуган, как и она. – У мадам Фонтен заболела мать. Она хотела узнать, сможешь ли ты или твоя мама посидеть с ее дочерьми, пока она отведет ее к доктору Патеноду.

– Симона и Колетт спят, они не доставят особых хлопот, – сказала мадам Фонтен, отводя взгляд. – Им всего два и четыре годика.

– Я знаю, сколько им лет, – холодно сказала Ева. За день до этого Ева увидела девочек в парке. Она наклонилась к ним и поздоровалась. Старшая из них, Колетт, начала весело щебетать о бабочках и яблоках, но тут откуда ни возьмись появилась мадам Фонтен и быстро увела

девочек прочь. Когда они скрылись за углом, Ева услышала, как мадам Фонтен внушала им, что общаться с евреями опасно.

– Я стучалась в другие квартиры, но мне больше никто не открыл. Пожалуйста. Я не обратилась бы к вам, если бы не возникла такая необходимость.

– Конечно, мы присмотрим за вашими дочерьми. – Мать Евы появилась из спальни, она уже переделалась, вместо ночной рубашки на ней было простое хлопковое платье и кофта. – Мы же с вами соседи. Ева, ты пойдешь со мной. Ты ведь не возражаешь, милая?

– Да, конечно, мамуся.

Отец девочек ушел на фронт и, возможно, погиб. Больше у них никого не было.

– Ева, скорее одевайся. – Мать Евы повернулась к мадам Фонтен. – Идите. И не волнуйтесь. С вашими дочками все будет хорошо.

– Спасибо, – сказала мадам Фонтен, по-прежнему не глядя им в глаза. – Я постараюсь вернуться поскорее. – Она сунула ключ в руку мамуси и ушла, прежде чем они успели еще что-либо ей сказать.

Ева быстро надела платье, которое носила днем ранее, пригладила волосы и вышла в гостиную к родителям.

– Вы ведь знаете, как мадам Фонтен относится к евреям? – не удержалась она от вопроса.

– Половина Парижа разделяет ее чувства, – устало ответила мать. – Но если мы будем сторониться их, если утратим великодушие, то позволим им уничтожить себя. Этого нельзя допустить, Ева. Нельзя.

– Я понимаю, – вздохнула она и поцеловала на прощание отца. – Татуш, иди спать. Мы с мамусей справимся.

– Молодец, дочка, – сказал он, целуя ее в щеку. – Присмотри за своей матерью. – Он нежно поцеловал мамусю и закрыл за ними дверь, когда они вышли в коридор. Замок тихо защелкнулся за их спинами.

Два часа спустя, когда Колеетт и Симона все еще спали в своих кроватках, а мамуся тихо посапывала рядом на диване в квартире мадам Фонтен, Ева тоже начала дремать, но громкий стук в коридоре разбудил ее. Через щелку в шторах уже начали пробиваться первые слабые лучи солнца. Вероятно, вернулись мадам Фонтен с матерью.

Ева осторожно встала с дивана, стараясь не разбудить мамусю. На цыпочках она подошла к двери и посмотрела в глазок, ожидая увидеть мадам Фонтен, перебирающую в руках ключи. Вместо этого она увидела нечто такое, что заставило ее ахнуть и в ужасе отпрянуть назад. Дрожа, она заставила себя снова посмотреть в глазок.

В коридоре напротив двери их квартиры, находившейся чуть дальше по коридору, стояли трое французских полицейских. Снова раздался тот же громкий стук, который разбудил ее: полицейский в форме колотил в их дверь. «Нет, татуш! – мысленно прокричала она. – Не открывай!»

Но дверь распахнулась, и появился отец, на нем был его лучший костюм, желтая звезда аккуратно прикреплена с левой стороны. Один из полицейских, державший в руках стопку бумаг, что-то сказал ему, но что именно, Ева не разобрала. Прижавшись ухом к двери, она кусала губы так сильно, что почувствовала вкус крови.

– Где ваша жена? – Ева услышала, как низкий голос задал этот вопрос. Другой офицер вошел в квартиру, оттолкнув отца в сторону.

– Моя жена? – Голос отца звучал на удивление спокойно.

– Файга Траубе, сорока восьми лет, родилась в 1894 году в Кракове. – Голос мужчины был напряженным от нетерпения.

– Да, конечно. Она сейчас присматривает за детьми больной подруги.

– Где? По какому адресу?

– К сожалению, я не знаю.

– Хорошо, когда она вернется?

– Этого я вам тоже не могу сказать.

Ева слышала, как полицейские о чем-то тихо переговаривались друг с другом. Офицер, заходивший к ним в квартиру, появился на пороге и покачал головой.

– А ваша дочь? – снова спросил первый полицейский еще более сердитым тоном. – Ева Траубе? Двадцати трех лет?

– Она с матерью. – Тон отца внезапно стал ледяным. – Но она родилась здесь, во Франции. Вы не должны ее беспокоить.

– Она в нашем списке.

– Ваш список ошибочен.

– Мы никогда не ошибаемся.

– Неужели вы и правда считаете, что поступаете правильно? – возмутился отец, повышая голос, и Ева услышала глухой удар и резкий вздох. Она снова решила посмотреть в глазок и увидела, что отец зажал рукой нос. Один из полицейских ударил его. Ева стиснула кулаки, глаза защипало от слез, и она опять прижалась ухом к двери.

– Хватит дерзить нам. Пойдешь с нами, – сказал один из них. – Или, если хочешь, пристрелим тебя прямо здесь. Если в поезд погрузят на одного еврея меньше, я не сильно расстроюсь.

Ева подавила вздох потрясения.

– Разрешите мне собрать вещи, – сказал ее отец.

– О, не волнуйся. Мы вернемся и заберем все, что у тебя тут есть ценного.

Отец не ответил, Ева опять посмотрела в глазок и увидела, как он закрыл за собой дверь квартиры. Один раз он оглянулся через плечо и посмотрел на дверь в квартиру Фонтенов. Знал ли он, что она наблюдала за ним? Что она все слышала?

Но это было уже неважно. Не успела она и глазом моргнуть, как татуш скрылся из вида, а минуту спустя тяжело хлопнула входная дверь дома. Ева подбежала к окну, чуть отодвинула задернутые шторы и посмотрела вниз на улицу, заполненную темными полицейскими фургонами и целым роем людей в форме. Они выводили из домов мужчин, женщин и детей: некоторые были удивлены, другие – рассержены, третьи – плакали. Ева узнала Бибровских: двух маленьких ребятшек, Анри и Алину, и их родителей, Анну и Макса, а также Кросбергов – пожилую пару, живущую в доме напротив, они всегда махали ей рукой, когда она утром шла в университет.

Ева, зажав рукой рот, чтобы заглушить рыдания, смотрела, как ее отца подтолкнули к фургону. Из кузова появилась рука, которая затащила его внутрь. Но прежде чем исчезнуть из вида, он посмотрел на дом, и Ева прижала ладонь к холодному стеклу. Он кивнул. И Ева решила, что отец увидел ее и воспринял ее молчаливый взмах рукой как обещание: она позаботится о мамусе, пока он не вернется.

– Ева? – Глухой и хриплый голос матери раздался у нее за спиной из темной комнаты. – Что ты там делаешь?

Ева проследила за уезжающими фургонами и только потом повернулась к матери.

– Папу увезли, – прошептала она. – Полиция... – Она не смогла закончить фразу.

– *Что?* – Мать вскочила с дивана и бросилась к двери. – Куда? Мы должны пойти за ним. Ева, почему ты меня не разбудила? – сдавленным голосом бормотала она, тщетно пытаясь открыть замок. Но ее руки дрожали, и Ева подбежала к ней в тот момент, когда она упала на пол, а ее тело затряслось от рыданий. – Почему, Ева? Почему ты не остановила их? Что ты натворила?

Еву мучили угрызения совести.

– Мамуся, – тихо сказала она, пока мать плакала навзрыд в ее объятьях, – они ведь приходили еще и за тобой тоже. И за мной.

Мамуся всхлипнула.

– Этого не может быть. Ты – француженка.

– Я – еврейка. Они так считают.

В этот момент из комнаты девочек раздался пронзительный крик:

– Мама? Мама, ты где? – Это был тоненький и напуганный голос старшей из них – Колетт.

Мамуся с болью посмотрела на Еву.

– Мы должны пойти за отцом, – прошептала она и крепко стиснула руку дочери. – Мы должны спасти его.

– Не сейчас, – твердо ответила Ева, когда Колетт снова стала звать маму. – Сначала нужно придумать, как спасти самих себя.

Глава 3



Час спустя наступил рассвет и принес с собой безмолвный хаос. Улица под окнами квартиры Фонтенов заполнилась людьми, но тишина стояла почти абсолютная. Соседи собирались кучками, перешептывались, и ни на ком из них не было желтых звезд. Этой ночью из квартала Маре исчезли все евреи.

– Мы должны найти отца, – сказала мать Евы, обхватив себя руками и раскачиваясь на диване.

Две маленькие девочки, все еще одетые в ночные рубашки, сидели на полу и удивленно смотрели на нее. Наконец Ева глубоко вздохнула, отвернулась от окна, прошла по комнате и опустилась на колени между ними. Одной рукой она обняла Колетт, другой – Симону.

– Никуда мы не пойдем, – сказала она наигранно веселым голосом, крепко сжимая плечи девочек. – Сначалаждемся возвращения мадам Фонтен.

– Когда придет мама? – захныкала Колетт. Она чувствовала атмосферу страха, пропитавшего комнату, но не понимала, что происходит.

– Скоро, моя дорогая. – Ева натянуто улыбнулась. – Не стоит волноваться.

– А почему мадам Траубе так боится?

Ева посмотрела на мать, которая была бледной, как неиспеченный багет.

– Она не боится, – сказала Ева достаточно твердо, чтобы привлечь внимание матери. Мамуся подняла на нее глаза и посмотрела отсутствующим взглядом, а Ева добавила:

– Просто плохо себя чувствует. Правда, мамуся? – Но ее мать так ничего и не ответила.

Колетт на мгновение заглянула Еве в глаза, и тревога исчезла с ее лица.

– Может, мне что-нибудь принести для нее, чтобы развеселить?

– Какая чудесная мысль, Колетт. И почему бы тебе не взять с собой Симону?

Колетт кивнула с серьезным видом, взяла сестру за руку и повела ее в их комнату.

Как только девочки скрылись из вида, Ева обратилась к матери:

– Ты должна собраться.

– Но отец...

– Его увезли, – твердо сказала Ева, хотя ей не удалось унять дрожь в голосе. Страх всегда находит щелочки, через которые ему удается прорваться наружу. – Мы обязательно придумаем, как добиться его освобождения. Обещаю. Но если и нас тоже арестуют, мы ничего не сможем предпринять.

– Но...

– Я прошу тебя. Я должна выяснить, как...

– Мадам Траубе? – Голос Колетт прервал их тихий диалог, они обернулись и увидели, что четырехлетняя девочка стояла в дверях с бумажной короной на голове, а в руках держала маленькую металлическую тиару. Колетт подняла ее вверх. – Когда мне бывает грустно, я иногда играю в переодевания. Хотите, вы будете принцессой, а я – королевой?

– Переодевание? – с удивлением спросила мамуся.

– Это такая игра, когда вы притворяетесь кем-нибудь другим. – Колетт нахмурилась. – Мадам Траубе, неужели вы не знаете про игру в переодевания?

Мамуся ничего не ответила, но Еву вдруг осенило.

– Ну конечно, – пробормотала она, и ее сердце учащенно забилось. Она вспомнила, что отец говорил ей про месье Гужона. Если отец заплатил своему начальнику, чтобы он помог ей, разумеется, он придумает что-нибудь и для мамуси. Они с мамусей станут другими людьми,

по крайней мере, по документам – это ведь так похоже на игру в переодевания. Только ставки в ней невероятно высоки.

– Мадемуазель Траубе, а вы не хотите тоже поиграть?

Ева опустила на колени рядом с девочкой.

– Нет, Колеетт, но ты дала мне замечательную идею. Присмотрите за мадам Траубе, хорошо? – Она обернулась к матери и добавила: – Мамуся, если придет мадам Фонтен, все равно оставайся в ее квартире, что бы она ни говорила. Я постараюсь вернуться как можно быстрее.

– Но куда ты собралась?

– Я должна встретиться с человеком, который нам поможет.

Вернувшись в свою квартиру, Ева на ощупь пробиралась в темноте, радуясь тому, что сквозь шторы проникало немного солнечного света и она могла видеть очертания мебели. Ева так хорошо знала обстановку в комнатах, что в нормальных обстоятельствах смогла бы пройти по ним в кромешной тьме, но теперь у нее кружилась голова и она не доверяла себе. Кроме того, она не доверяла соседям, которые могли выдать ее, если бы услышали, как она ходит по комнатам, в которых никого не должно быть.

Неужели кто-то из них донес на ее семью? Еще можно было понять, как в списках тех, кого должны были отправить в трудовой лагерь, оказались ее родители, иммигрировавшие из Польши, когда им было по двадцать с небольшим лет; ведь Жозеф предупредил ее насчет евреев, родившихся за границей. Но кто добавил в список и ее имя? Тот, кто хотел, чтобы и она исчезла и квартира освободилась? Траубе жили здесь больше двадцати лет, и, бесспорно, их квартира была одной из лучших в доме – в два раза больше почти всех остальных квартир. Могла ли зависть и алчность превратить кого-то из соседей в предателя?..

Ева прогнала от себя эти мрачные мысли. У нее не было времени предаваться гневу. Нет, ее единственная задача заключалась в том, чтобы увезти мать в безопасное место как можно дальше от Парижа. После облавы они, разумеется, не могли больше ходить с желтыми звездами на груди, но и просто избавиться от них было еще опаснее. Если они пойдут на этот риск, то после встречи с французским полицейским или немецким солдатом, который попросит у них документы, их могут тут же арестовать за то, что они оставили свои звезды дома. Нет, они должны стать абсолютно другими людьми. Ключ к спасению находился в любой из этих безмолвных громоздких пишущих машинок, которые заполняли их гостиную.

Она отнесет одну из них месье Гужону, это станет ее пропуском в префектуру. Папа говорил, что его старый начальник обещал изготовить для нее поддельные документы. Она должна убедить его сделать такие же для мамуси. Это была их единственная надежда.

Ева тихо прошла в родительскую спальню, где взяла три самых лучших платья матери, несколько блузок и юбок, запасные туфли и тяжелое пальто, хотя июль выдался знойным. Но кто знает, сколько им придется скрываться? Она положила все вещи в потертый семейный кожаный чемодан.

В своей комнате она взяла три платья, брюки, юбку, несколько блузок, пальто и ботинки и также сложила их в чемодан. Затем нашла *carte d'identité*⁵, на котором жирными заглавными буквами было отпечатано слово JUIVE⁶. Удостоверение ее матери выглядело еще хуже, на нем была еще отметка о том, что она – еврейка, родившаяся за рубежом, и ей запрещены перемещения.

⁵ Удостоверение личности (фр.).

⁶ Еврейка (фр.).

Она закрыла чемодан и вернулась в гостиную, где положила одну из машинок в чехол, заткнув под нее удостоверения личности, принадлежавшие ей и матери. Возможно, они понадобятся месье Гужону, когда он будет изготавливать для них поддельные документы.

Оставив чемодан в прихожей, она закрыла дверь квартиры и быстро направилась к лестнице, низко опустив голову. Ее рука так сильно сжимала ручку чехла пишущей машинки, что побелели костяшки. Ева сильно рисковала, выходя на улицу без звезды. Но она рассчитывала, что полицейские, занятые арестами других евреев, не обратят на нее особого внимания, тем более если она будет держаться уверенно. В конце концов, какой еврейке придет сейчас в голову направиться в самый центр Парижа, да еще и с улыбкой на губах?

Еве понадобилось двадцать минут, чтобы спокойным шагом – что давалось ей с большим трудом – добраться до высокого здания *префектуры полиции* на острове Сите посреди Сены. В этом здании также располагалась городская администрация. Именно здесь работал ее отец до того, как были приняты первые антисемитские законы. И именно здесь, без сомнения, организовали сегодняшней ночной налет. Она входила в чрево чудовища, но другого выхода не было.

Она обернулась и, запрокинув голову вверх, посмотрела на величественно возвышающиеся у нее за спиной две башни собора Парижской Богоматери. Открыв дверь префектуры и входя внутрь, Ева подумала о работающем тут каждый день руководстве полиции. Особенно о тех, кто распорядился этой ночью собрать всех евреев и увезти их, словно мусор, – как они могли творить подобные злодеяния в тени Божьего дома?

– Мадемуазель? – Голос, прозвучавший слева, едва она закрыла дверь, заставил ее вздрогнуть. Она обернулась и нервно сглотнула – прямо перед ней стоял немецкий солдат.

– Да, месье? – Она задрожала и покрылась испариной.

Он смотрел на нее не столько подозрительно, сколько устало.

– Куда вы идете? – спросил он с сильным немецким акцентом. Ева замешкалась с ответом, а он окинул ее взглядом с ног до головы, задержавшись на выпуклостях груди под платьем. Когда солдат снова поднял глаза на ее лицо, она уже знала, как все это можно обыграть.

Глубоко вздохнув, она одарила его самой очаровательной улыбкой и захлопала ресницами.

– Я и не знала, что ваша форма вблизи выглядит такой красивой, и отглажена она просто идеально. – Солдат покраснел, а она быстро добавила: – Видите ли, отец попросил меня отнести эту пишущую машинку. Он их чинит, но сейчас приболел, а ее нужно вернуть именно сегодня.

Ева задержала дыхание, пока немец, которому на вид было не больше восемнадцати-девятнадцати лет, изучал ее. Если он попросит у нее документы, удостоверяющие личность, или обыщет содержимое чехла, она пропала.

– К кому вы пришли?

– К месье Гужону, он на втором этаже.

– Вы знаете, где его кабинет?

– О да, я здесь уже много раз бывала. – Она говорила правду. Еще подростком, до того, как пришли немцы, Ева любила приходить к отцу на работу после того, как заканчивались уроки в школе. Ей нравилось разглядывать разные печати, ручки, машинки. Месье Гужон часто давал ей стопку листков и карандаш, чтобы занять чем-нибудь, пока отец колдовал над очередной пишущей машинкой. Ева любила делать наброски, и со временем у нее стало так хорошо получаться, что месье Гужон поинтересовался у ее отца, не думает ли она стать художником. Но рисование никогда не было ее страстью, в отличие от книг. И она сказала отцу, что, даже если у тебя что-то хорошо получается, это вовсе не означает, что тебе нужно посвятить этому делу всю свою жизнь. Отец тогда рассмеялся, заметив, что ей очень повезло обладать таким талантом. «Однажды, – сказал он, – ты еще оценишь дары, которыми наградил тебя Бог».

– Хорошо, идите, – сказал молодой немец и снова устало ссутулился.

Ева направилась к лестнице.

– *Merci!*⁷ – крикнула она ему через плечо.

Ее сердце все еще колотилось как бешеное, когда она, поднявшись на второй пролет, открыла дверь в кабинет месье Гужона, даже не постучав. Тот в одиночестве сидел за столом. Он поднял глаза, удивленно округлившиеся под косматыми седыми бровями, пока Ева поспешно закрывала за собой дверь.

– Ева Траубе? – спросил он и уставился на нее как на привидение. С момента их последней встречи его волосы поседелли еще сильнее, и выглядел он лет на десять старше отца, хотя Ева знала, что они были примерно одного возраста. Под глазами у него залегли темные круги, а щеки обвисли так, будто у них больше не хватало сил держаться на лице.

– Сколько же лет мы с тобой не виделись?

– Месье Гужон, простите, что вот так вломилась к вам.

Он встал и обнял ее.

– Я слышал об облаве и подумал, что, возможно...

– Моего отца арестовали, – твердо сказала она, отстраняясь от него. – Мы с матерью тоже были в списке, но нам повезло – в тот момент мы оказались в другой квартире.

Месье Гужон побледнел и отступил назад.

– Боже мой.

– Месье, у нас мало времени. Я прошу вас, мне нужна ваша помощь. Отец сказал, что обо всем с вами договорился. Что вы можете изготовить для меня поддельные документы. Нам с матерью нужно поскорее уехать из Парижа.

Месье Гужон посмотрел на чехол пишущей машинки в руках Евы, а потом – на дверь у нее за спиной. Наконец, он снова взглянул на нее и поджал губы.

– Но что я могу сделать? Я обещал ему, что помогу только тебе, а не твоей матери.

– Я не могу ее бросить. Это невозможно.

– Ева, она разговаривает с акцентом, и потом, честно говоря, она очень похожа на еврейку. Риск слишком велик. Ее непременно схватят. А потом она выдаст меня...

– Но вы же не откажете нам в помощи? – Панику в душе Евы сменил гнев. – Мой отец много лет проработал у вас. Он был надежным, добрым.

Лоб месье Гужона сжался в гармошку, казалось, еще секунда, и он расплчется.

– Ева, я хочу тебе помочь, но если обнаружится, что я занимался подделкой документов, тем более для польских евреев...

– Вас могут арестовать или даже казнить. Я знаю. – Ева, подойдя к нему поближе, понизила голос. – Месье Гужон, я знаю, о чем прошу вас. Но наш единственный шанс – это выбраться в свободную зону. А потом я постараюсь придумать, как вернуться за отцом.

– Я... я не могу сделать того, о чем ты просишь. – Он отвернулся. – У меня есть жена и ребенок, я должен подумать о них и...

– Мой отец доверял вам. Он отдал последнее, что у нас было.

Месье Гужон глубоко вздохнул, но ничего не ответил.

– Пожалуйста, месье. – Она подождала, пока он посмотрит на нее. – Я вас умоляю.

Он снова вздохнул:

– Я дам тебе несколько бланков для удостоверений личности, Ева, и еще бланки разрешений на проезд. Это все, что я могу сделать. Ты всегда была хорошей художницей, я этого не забыл.

– Вы... вы хотите, чтобы я сама их подделала? – Заполнить личную информацию: имя, место и дату рождения довольно просто, но как подделать все остальное?

– Но вы же дали слово моему отцу, месье Гужон!

⁷ Спасибо! (фр.)

Он проигнорировал ее возмущение и продолжил едва слышным голосом.

– Я постараюсь найти чернила такого же цвета, как и те, что используются на печатях. В шкафу, где хранятся канцелярские материалы, должны быть такие. Но тебе нельзя здесь оставаться. И если кто-нибудь узнает, что ты сделала, я скажу, что ничего не знал. Что ты украла документы.

– Но... – начала было Ева, однако он прошмыгнул мимо нее и выскочил из кабинета. Она осталась одна, тяжело дыша и размышляя о том, что ей делать дальше. Продолжить стоять на своем и умолять о помощи? Она никогда не делала того, что предложил ей месье Гужон.

Несколько минут спустя он вернулся, держа в руках маленький конверт.

– Вот. Здесь все необходимое. Используй как образец твои настоящие документы, возьми какие-нибудь старые фотографии и обрежь их, чтобы вклеить в свидетельства; ваши нынешние наверняка испорчены красными печатями. Я также вложил аннулированное разрешение на проезд, чтобы ты знала, как оно должно выглядеть. Вам с матерью они понадобятся, чтобы выехать в свободную зону. Еще здесь бланк свидетельства о натурализации для твоей матери, чтобы объяснить ее акцент, и бланк свидетельства о рождении для тебя. Их довольно просто будет заполнить.

– Но я не знаю, как...

– Надо спрятать все это под пишущей машинкой, – продолжил месье Гужон, прерывая ее возражения, затем взял чехол с машинкой, поставил к себе на стол и открыл. Осторожно вытащив машинку из чехла, он положил на дно конверт и степлер, поставил машинку сверху и закрыл чехол. И вручил его Еве. – Когда будешь уходить, держись уверенно. Тебя не остановят, а если попытаются, делай вид, что тебя это страшно оскорбляет. Большинство солдат еще совсем мальчишки, они только притворяются грозными.

Она крепко сжала ручку чехла правой рукой.

– Месье Гужон, я не умею подделывать документы! Это невозможно.

– Больше я тебе ничем не могу помочь. Помнишь, что говорил тебе отец? Что Бог наградил тебя даром художника? Тебе выпал шанс этим даром воспользоваться.

В голове крутились тысячи вопросов, но с ее губ в конце концов слетел только один:

– Но... куда нам идти?

Он смерил ее бесконечно долгим взглядом.

– От кузена моей жены я слышал о городе под названием Ориньон, он находится где-то в восьмидесяти километрах к югу от Виши, – быстро проговорил он. – Я слышал, что там дают приют детям, а потом переправляют их в Швейцарию. Возможно, и вам с матерью тоже помогут.

– Ориньон? – Она никогда не слышала этого названия. – Неподалеку от Виши? – Этот город-курорт ассоциировался теперь с марионеточным правительством премьер-министра Филиппа Петена и, без сомнения, кишел нацистами.

– Ориньон – крошечный городок в горах у подножия старых вулканов, он не имеет никакого стратегического значения. У немцев нет причин интересоваться им, а значит, это идеальное место для укрытия. Теперь ступай, Ева, и не возвращайся. Да хранит тебя Бог. Я сделал все, что мог. – Он отвернулся так быстро, что у нее возникло ощущение, будто весь предыдущий диалог был лишь плодом ее воображения.

– *Merci*, месье Гужон. – Низко склонив голову, она вышла из его кабинета и уверенными шагами спустилась по лестнице, каждый мускул ее тела был напряжен, на лице застыла улыбка. Молодой немецкий офицер все еще стоял внизу, и, когда она проходила мимо, он слегка прищурился.

– Я думал, вы оставите машинку там, – сказал он, вставая перед ней.

– Это другая, ее нужно починить, – без запинки ответила она и снова похлопала ресницами. – Мне нужно идти.

– Почему вы так спешите? – Он снова бесстыдно уставился на ее грудь, как будто Ева была неодушевленным предметом, на который он мог предъявить права и завладеть им.

С трудом сохраняя самообладание, она улыбнулась еще шире:

– Понимаете, у нас столько работы. Наверное, в префектуре сейчас дел невпроворот из-за ночных арестов.

Немец кивнул, но вид у него по-прежнему был хмурый.

– Вы же понимаете, они это заслужили.

Неожиданно ей стало нехорошо.

– Прошу прощения?

– Евреи. Я знаю, что некоторые аресты проводились довольно жестоко, но эти люди опасны.

– Что ж, – сказала Ева, проходя мимо него, – лично я надеюсь, что все вредители, которые оскверняют своим присутствием наш великий город, однажды получат по заслугам.

Немец воодушевленно кивнул:

– Совершенно верно, мадемуазель. Послушайте, сегодня мы с друзьями встречаемся в пять в Латинском квартале в кафе под названием «Малый мост», если хотите, могу угостить вас, выпьем что-нибудь.

– Какое чудесное приглашение. Возможно, я присоединюсь к вам.

Он улыбнулся ей:

– Было бы замечательно.

Ева махнула ему рукой на прощание, ее улыбка была искренней, она ведь знала – если им повезет, то, когда этот немец закажет себе первую кружку пива, они с матерью уже будут ехать в поезде на юг страны.

Глава 4



Двадцать минут спустя Ева снова вошла в их семейную квартиру. Действовать нужно было быстро, пока кто-нибудь из соседей не явился сюда, чтобы пожить чем-нибудь ценным.

На комодѣ стояли фотографии в рамках: портрет родителей, сделанный на двадцать пятую годовщину их свадьбы три года назад; улыбающийся отец, который держит два чехла для пишущих машинок; мать на отдыхе в Кабуре – ей тогда было около сорока. Были там и фотографии Евы: во время того же самого отдыха на курорте на побережье Кот-Флѣри и еще одна, сделанная четыре года назад после окончания лицея. Она взяла их все и вытащила из рамок.

Отыскав в гостиной ножницы около одной из пишущих машинок, Ева отнесла все на кухню. Она измерила фотографию на удостоверении личности и аккуратно вырезала лицо и плечи матери с памятной фотографии по случаю годовщины свадьбы. Затем то же самое сделала со своими фотографиями, а также с изображениями матери и отца на других снимках.

Ева спрятала удостоверения личности и самодельные фото на документы в чехол машинки и снова закрыла его.

Она в последний раз посмотрела на поднимавшиеся до самого потолка деревянные полки книжного шкафа с прекрасными книгами. Их страницы были полны знаний, которые она с такой жадностью поглощала все эти годы. Большинство из них отец приобрел еще до ее рождения: книги по починке пишущих машинок, медицинские справочники, книги об устройстве Солнечной системы, учебники по химии и даже первое англоязычное издание «Приключений Тома Сойера». Это один из первых романов, напечатанных автором на машинке, и поэтому данное издание имело особую ценность для ее отца. Ева запоем читала все эти книги и копила деньги, чтобы покупать новые. Книги были ее спасением, надежным убежищем, а теперь они будут единственным, что останется от нее в их квартире, куда она, возможно, никогда уже не вернется. «Прощайте», – прошептала она, вытирая слезы.

Ева еще раз обвела взглядом свой родной дом, который она знала с рождения, взяла собранный чемодан, чехол с машинкой и закрыла за собой дверь.

Секунду спустя Ева постучала в дверь квартиры Фонтенов, ей открыла Колетт, глаза девочки были широко распахнуты.

– Где моя мама? – спросила она. – Ее все еще нет, а вы говорили, что она обязательно придет, мадемуазель Траубе!

– Конечно, придет, Колетт, – уверенным голосом сказала Ева, проходя мимо девочки и закрывая за собой дверь. – Не волнуйся. – В конце концов, мадам Фонтен была истинной христианкой. Даже если какой-нибудь офицер попытался бы по ошибке задержать ее вместе с евреями, она, без сомнения, стала бы так громко и возмущенно молиться за его душу, что он убедился бы в ее верности Иисусу еще до того, как она предъявила бы ему свои документы.

Проблема заключалась в том, что совесть не позволяла Еве оставить девочек одних. Им с матерью придется дожидаться возвращения мадам Фонтен и лишь после этого совершить свой побег.

Мамуся была там же, где Ева оставила ее два часа назад, – она сидела съежившись на диване и смотрела в пустоту.

– Мамуся? – сказала Ева, подходя к матери и кладя руку ей на плечо. – С тобой все хорошо?

– Она не хочет играть в переодевания, – отчиталась Колетт, когда мамуся не ответила ей.
– Знаешь, Колетт, боюсь, она заболела. Может, вам с сестрой отложить вашу игру в переодевания до возвращения вашей мамы? Вы же не хотите расстроить ее?

– Нет, мадемуазель. – Колетт собрала разбросанные ленты и платья и жестом позвала за собой сестру. Девочки умчались прочь.

Ева склонилась над матерью:

– Мамуся, у меня есть план. Но ты должна взять себя в руки. Нам нужно как можно скорее уехать из Парижа. Займи чем-нибудь девочек, а я все сделаю. И если мадам Фонтен вернется, постарайся отвлечь ее, пока я не закончу.

Мамуся несколько раз удивленно моргнула:

– Что ты собираешься делать?

Ева наклонилась к ней еще ниже:

– Буду готовить поддельные документы.

– Поддельные? Но ты ведь даже не умеешь этого!

Сглотнув слюну, Ева попыталась призвать недостающее ей чувство уверенности.

– Научусь. Но времени у нас мало, поэтому послушай меня. Ты будешь Сабиной Фонтен.

Мамуся удивленно воскликнула:

– Ты хочешь дать мне имя мадам Фонтен?

Ева обдумывала все это с того момента, как вышла из кабинета месье Гужона. Ей нужны были имена реальных людей на случай, если их задержат и какой-нибудь чиновник захочет проверить их документы по картотеке.

– Так будет безопаснее, – сказала Ева. – Необходимо придумать какое-то объяснение для твоего акцента, так что, если кто-нибудь спросит, скажешь, что ты эмигрировала из России в 1917 году, твое настоящее имя было Ирина, но ты сменила его на Сабину. Потом ты вышла замуж за настоящего мужа мадам Фонтен – Жана-Луи Фонтена, подлинного французского патриота, пропавшего без вести на фронте.

Мать в недоумении уставилась на нее:

– А ты?

– Я буду Колетт Фонтен.

– Но настоящая Колетт еще ребенок.

– К тому времени, когда кому-нибудь придет в голову проверить дату ее рождения, мы будем уже далеко.

– Но как ты изобразишь эти документы? – не унималась мамуся.

Ева быстро рассказала матери о своем визите к месье Гужону, о тех бланках и чернилах, которые он ей дал.

– Я постараюсь сделать все, что в моих силах, – закончила она.

– У тебя ничего не получится, – возразила мать.

– Должно получиться, мамуся.

На кухне Ева открыла чехол и, приподняв пишущую машинку, вытащила из-под ее клавиатуры конверт месье Гужона. Внутри находились три бланка удостоверения личности, три бланка разрешения на проезд, бланки свидетельства о натурализации и свидетельства о рождении и четыре ручки: с темно-синими, ярко-голубыми, красными и черными чернилами. Еще одну ценную находку она обнаружила на самом конверте: на нем были приклеены марки с изображением монеты – единственная часть документа, которую невозможно было подделать с таким ограниченным запасом материалов. Теперь ей уже не удалось бы купить марки в табачной лавке, не вызвав подозрений.

Ева, закрыв глаза, шепотом поблагодарила месье Гужона за то, что он все предусмотрел и хоть отчасти, но помог ей. Она разложила перед собой на столе все материалы, а также удо-

стоверения личности, принадлежавшие ей и матери. И глубоко вздохнула. В голове звучали слова отца. «Однажды ты еще оценишь дары, которыми наградил тебя Бог».

Она начала с удостоверения личности матери. Сначала Еве пришлось подделать почерк вечно загруженного работой, но расторопного клерка из префектуры. Она тщательно изучила настоящее удостоверение матери, напоявила себе, что ее плавный аккуратный почерк здесь будет совсем не к месту, и принялась за дело. Ручкой с черными чернилами, которую ей дал месье Гужон, она заполнила бланки небольшими ровными печатными буквами. «Фамилия: Фонтен, урожденная Петрова. Имя: Сабина Ирина. Дата рождения: 7 августа 1894. Место рождения: Москва».

Она продолжила заполнять документ, указала настоящий цвет волос и глаз матери, ее рост и другие сведения. Ева сжала зубы, когда дошла до графы «Нос», которая помогала властям вычислять евреев. Она написала: «средний», затем указала выдуманные адрес и регистрационный номер, закончив большой размашистой подписью того, кто каждый день ставил свое имя под бумагами, решающими судьбы людей.

Откинувшись на спинку стула, Ева с минуту изучала свою работу. Почерк был почти такой же, как на настоящих документах ее матери, по крайней мере, сторонний наблюдатель вряд ли заметил бы подделку. Достав фотографию, которую прежде вырезала из юбилейной фотокарточки, Ева приложила ее к соответствующему месту. Затем она осторожно прикрепила фотографию степлером, который месье Гужон положил ей в чехол машинки, и еще раз посмотрела на документ, проверяя, насколько достоверным он выглядел.

Он был не идеальным, но вполне сносным. Ева прикрепила свою фотографию ко второму удостоверению личности и приклеила на каждый по марке. Потом быстро заполнила удостоверение на имя Колетт Фонтен, родившейся в 1920 году в Париже и обладающей каштановыми волосами, карими глазами и, разумеется, носом среднего размера. К тому времени, когда она закончила подделывать подпись воображаемого клерка, чернила уже достаточно высохли и можно было рисовать поддельные печати. Этот этап работы пугал Еву больше всего – ведь он требовал твердой и легкой руки, и у нее не было права на ошибку. Марки нарисовать от руки Ева не могла – они должны были в точности соответствовать тем маркам, которые продавались на каждом углу, французские полицейские и немецкие солдаты видели их уже тысячу раз.

Она начала со своего удостоверения. Она решила, что даже если и сделает здесь ошибку, то это будет выглядеть все-таки менее подозрительно, чем не совсем правдоподобная печать на удостоверении личности ее матери, родившейся в другой стране. Штемпель на ее настоящем удостоверении был неровный, плохо оттиснутый – вероятно, чернила оказались не особенно свежими. Ева подумала, что подделать такой эффект высыхания она не сможет, но если она в точности нарисует все линии, то печать должна выглядеть как настоящая, хоть и будет немного яркой.

Сначала Ева осторожно сверху и внизу удостоверения нарисовала голубыми чернилами круги и постаралась, чтобы верхний круг слегка задевал ее фотографию, а затем аккуратно нарисовала эмблему Национальной полиции Франции. Сложнее всего было подделать буквы на печати, но Ева успокоилась и стала осторожно выводить их. Закончив, замерла на несколько секунд, чтобы полюбоваться результатом своего труда. Она нарисовала точно такие же печати на удостоверении личности матери, а потом темно-синими чернилами подделала печать с датой. Затем промокнула чернила на обоих удостоверениях полотенцем для рук мадам Фонтен и облегченно вздохнула, увидев, что четкие линии немного смягчились и расплылись, как будто они в самом деле были нанесены резиновыми печатями.

Ева откинулась на спинку стула и принялась рассматривать удостоверения. Она тяжело дышала, но ужас, который сдавливал ей грудь с того момента, когда она увидела, как ее отца уводила полиция, вытеснила легкая, едва уловимая надежда. У нее получилось. Вышло,

конечно, не совсем безупречно, но, если документы не будут рассматривать слишком придирчиво, возможно, они сойдут за настоящие.

С разрешениями на проезд все оказалось намного проще: Еве нужно было на пишущей машинке заполнить в бланках только имена, даты и места рождения, профессии, адреса, национальности и так далее. Она быстро достала ее и принялась за дело. Свои художественные навыки ей пришлось применить только в подделке черной печати с гербом Третьего рейха – нацистским орлом. Ева осторожно перерисовала птицу, которая сидела, расправив крылья, на свастике, а затем точно скопировала немецкие буквы, располагавшиеся вокруг рисунка. Рядом с телом орла она постаралась аккуратными печатными буквами скопировать слово *Dienststempel*⁸. Над графой «Пункт назначения» она немного задумалась, а затем написала название города, которое услышала от месье Гужона: Ориньон. Боже, она ведь, если ее попросят, не сможет даже найти его на карте. Она вообще ничего не знала об этом месте. Но Ева прогнала прочь сомнения, напомнив себе, что месье Гужон не стал бы рисковать и давать ей бланки, чтобы потом обмануть и направить в несуществующий город.

Со свидетельствами о натурализации и рождении было меньше всего проблем – Еве просто нужно было изменить свой почерк, сделав буквы более высокими и узкими, и внести туда ложные сведения. Подделка двух печатей: синей и черной казалась детской забавой после более сложных рисунков, которые ей пришлось изображать на других документах. С этой задачей она справилась быстро.

Ева уже собиралась приступить к подделке документов для отца – эту работу она оставила напоследок, на случай, если не успеет управиться с остальными делами, – когда услышала шуршание в замке входной двери. Она вскочила и спрятала поддельные документы и ручки под блузку, измазавшись синими чернилами.

– Доченьки? – послышался из коридора трубный глас мадам Фонтен сразу же после того, как захлопнулась дверь.

– Мама! – Колетт и Симона бросились в прихожую в объятия матери. В этот момент Ева вышла из гостиной.

Мадам Фонтен посмотрела искоса на Еву и, не сводя с нее глаз, продолжила обнимать девочек.

– Мадемуазель Траубе, вы все еще здесь? – спросила она, когда, наконец, отпустила девочек, сидевших на ее мощных коленях, и поднялась с пола.

– Да, разумеется, – ответила Ева.

Вместо того чтобы поблагодарить ее, мадам Фонтен нахмурилась:

– А ваша мать?

– Я тоже здесь. – Мамуся вышла в коридор из дальней комнаты. Ее глаза были все еще бессмысленными и остекленевшими, а две пряди ее волос заплетены в косички – без сомнения, это сделали девочки. – Мадам Фонтен, с вашей матерью все хорошо?

Мадам Фонтен лишь презрительно фыркнула:

– Здоровье моей матери вас не касается. И я буду благодарна, если вы немедленно освободите мою квартиру.

Мамуся несколько раз удивленно моргнула:

– Я просто хотела вам помочь.

– Мне не нужна помощь от еврейки.

Симона бегала кругами и что-то бормотала себе под нос, но Колетт наблюдала за разговором с таким потрясенным видом, словно она болельщица, которая следит за напряженным матчем на стадионе «Ролан Гаррос».

⁸ Место для печати (нем.).

– Однако сегодня ночью это не помешало вам обратиться к нам за помощью, – резким голосом возразила мамуся. – Ее взгляд был уже не бессмысленным, а холодным, как лед.

– Да. Но теперь из-за вас я попала в неприятное положение – я укрываю беженцев, – возмутилась мадам Фонтен.

Мамуся открыла рот, чтобы ответить, но Ева, быстро подойдя к ней, крепко сжала ее руку.

– Мы уже уходим. Правда, мамуся?

– Почему она ведет себя так, словно мы непрошенные гости? Ведь мы были так добры к ней! – воскликнула мамуся. – И это после того, как полицейские арестовали твоего отца.

– Хотя бы одного из вас они все-таки задержали, – пренебрежительно всплеснула руками мадам Фонтен.

– Да как вы можете... – начала мамуся, но Ева уже тащила ее к двери.

– Мадам Траубе? Мадемуазель Траубе? – спросила Колетт своим тоненьким голоском. – Вы уходите?

– Боюсь, у нас нет другого выхода. – Ева злобно посмотрела на мадам Фонтен. – Похоже, мы слишком задержались здесь.

– Может, вы придете в другой раз и мы с вами поиграем? – спросила девочка, когда Ева прошла мимо нее, продолжая тащить за собой мать. Ева взяла чемодан, но машинку пришлось оставить. Слишком уж она была тяжелой и к тому же могла вызвать подозрения.

– Ох, не думаю, – ответила мадам Фонтен и посмотрела на Еву с самодовольной улыбкой. – Судя по всему, семейство Траубе покидает нас навсегда.

Когда дверь за ними закрылась, Ева вместе с матерью и всеми их немудреными пожитками остались одни в холодном темном коридоре.

– Что мы теперь будем делать? – спросила мамуся.

– Пойдем на вокзал.

– Но...

– Наши документы, конечно, не идеальны, но, по крайней мере, они помогут нам уехать из Парижа. Если на то будет Божья воля.

– А если ничего не выйдет?

– Мы должны верить, – возразила Ева и посмотрела на лестницу. Она не сомневалась, что мадам Фонтен уже звонит в полицию и докладывает, что двум еврейкам удалось сбежать от облавы. – Сейчас у нас нет ничего, кроме надежды.

Глава 5



– Куда мы идем? – слабым голосом спросила Еву мать десять минут спустя. Они быстро шли по улице, опустив головы; Ева несла в одной руке чемодан, а другой держала за руку дрожащую мамусю. День выдался жарким и очень душным, и Ева чувствовала, что вспотела.

– На Лионский вокзал, – ответила Ева. В этот момент они проходили мимо площади Вогезов, где татуш когда-то учил ее кататься на велосипеде. Где много раз поднимал ее, когда она падала и обдирала коленки. Сердце у нее защемило, и она прогнала от себя эти мысли.

– На Лионский вокзал? – повторила мать, тяжело дыша и с трудом поспевая за ней. Она уже распустила неровные косички, которые заплели ей девочки, и теперь волосы спадали свободными волнами и прилипали к шее.

При других обстоятельствах Ева замедлила бы шаг из сочувствия к матери, которая плохо переносила жару и влажность. Но чем дольше они оставались на улице, тем большей опасности подвергали себя. В тот день в Париже было пустынно, поэтому Ева и ее мать могли вызвать излишние подозрения.

– Мы поедem на юг.

– На юг? – задыхаясь, спросила мамуся.

Ева кивнула, и они резко свернули на просторный бульвар Бомарше – Ева всегда его считала красивым. Но сегодня высокие здания по обе стороны от него казались ей стенами, которые удерживали их с мамусей, направляя навстречу неведомой судьбе.

– В город под названием Ориньон.

– Что ты такое говоришь? Твой отец *здесь*, Ева. А ты предлагаешь уехать в другой город, я о таком городе вообще никогда не слышала. Да как это возможно?

– А так, он арестован, мамуся! – ответила Ева и от раздражения пошла еще быстрее. – И вызвать его мы сможем только после того, как сами спасемся от беды.

– Убежим? – Мать, вырвав у Евы свою руку, повернулась к ней лицом. – Как трусы?

Ева быстро осмотрелась по сторонам. Она заметила мужчину, который наблюдал за ними из окна магазина на другой стороне улицы.

– Мамуся, не будем выяснять здесь отношения. Своим поведением ты вызываешь подозрения.

– Нет, Ева, это ты ведешь себя подозрительно! – Мамуся, схватив Еву за запястье, впиалась ногтями ей в кожу. – Сочинила хитроумный план побега, словно мы шпионы из какой-нибудь твоей книжки. Неужели ты думаешь, что мы можем бросить твоего отца?

– Мамуся, ему уже не сможешь.

– Нет, он...

– Ему не сможешь! – У Евы рыдания рвались из горла, но она подавила их и, высвободив руку, снова пошла вперед. Через несколько секунд мать догнала ее. – Я обещаю, что вернусь за ним. Но *сейчас* нам нужно уехать.

– Ева...

– Поверь мне, мамуся. Я прошу тебя.

Мать замолчала и пошла за ней следом. Только этого Еве и было нужно.

Через пятнадцать минут вдали показалось здание вокзала.

– Веди себя так, словно ничего не случилось, – прошептала матери Ева. – Мы французы, представители среднего класса, и нас совершенно не волнует то, что произошло сегодня ночью.

– С какой, однако, легкостью ты поворачиваешься спиной к своему народу! – пробурчала мать.

Ева постаралась не обращать внимания на ее слова, но они острой иглой вонзились ей в сердце и отзывались болью, пока она шла к вокзалу.

– Мы обе работаем секретарями. Ты – русская эмигрантка, а я – твоя дочь. Мой славный отец француз – твой муж – не вернулся с фронта. И у нас есть опасения, что он погиб.

– Да, Ева, давай притворимся, что твой отец умер! – с яростью возмутилась мамуся.

– Мамуся, ну *послушай* же меня! От этого зависят наши жизни. Мы купим билет до Клермон-Феррана через Виши.

– Виши?

– Я посмотрела карту. Это самый быстрый путь до Ориньона.

– Что это за место?

– Там живет твоя сестра Ольга, – решительно сказала Ева. – Она заболела и попросила тебя помочь ей приглядеть за ее тремя детьми.

Мамуся лишь удивленно выпучила глаза.

– Мамуся, это серьезно. Ты должна запомнить все, что я говорю.

– Но почему именно в Ориньон? Я никогда о нем не слышала.

– Там живут люди, которые помогают евреям перебраться в Швейцарию.

– Швейцарию? Но это просто смешно. Если город, про который ты говоришь, находится рядом с Виши, то от него до швейцарской границы около трехсот километров.

Такая мысль тревожила и Еву, но она старалась не сосредотачиваться на ней. Может быть, именно поэтому тот город и считался идеальным укрытием.

– Мамуся, это наш единственный шанс на спасение.

– Так теперь ты хочешь, чтобы мы уехали из Франции без твоего отца? – с обидой спросила мамуся, повышая голос.

– Нет, – ответила Ева. – Я хочу найти людей, которые нам помогут его освободить.

В 14:05 поезд отошел от станции на Лионском вокзале, переехал через реку Марна рядом с тем местом, где она впадала в Сену, и, пыхтя, направился на юго-восток – и только тогда Ева смогла наконец перевести дух. Купить билет оказалось намного проще, чем она ожидала: кассир лишь мельком взглянул на их документы и, зевнув, вернул их обратно. Ева подумала, что поимка беглецов не входила в его обязанности. Но молодой немецкий солдат, который проходил по вагону вскоре после того, как Ева с матерью сели в поезд, тоже без особого интереса проверил документы и молча вернул их обратно. Когда поезд набрал скорость и, выехав из пригорода Парижа, помчался по сельской местности, Ева позволила крошечной надежде поселиться у нее в душе, а вместе с надеждой пришла и легкая гордость за мастерски проделанную работу.

А потом она увидела, что сидевшая рядом с ней мать, прижавшись лбом к стеклу, плачет, ее плечи сотрясались от беззвучных рыданий, и напряжение снова охватило Еву.

– Мамуся, – пробормотала она, стараясь говорить как можно тише. Вагон был полупустым, большинство пассажиров увлеченно читали книги или газеты, но кто-нибудь из них в любой момент мог что-то заметить.

– Пожалуйста, перестань. Ты привлекаешь к нам внимание.

– И что с того? – прошипела мамуся, поворачиваясь к Еве. Ее глаза горели возмущением. – Мы только обманываем себя. Нам не удастся убежать.

– Мы должны сделать это, мамуся. Смотри, нам уже удалось уехать из Парижа.

– Они найдут нас, где бы мы ни были. Мы же не можем просто исчезнуть. Как мы будем питаться? Где жить? Откуда возьмем карточки на продукты? Чистое безумие. Лучше бы остались. По крайней мере, в Париже у нас есть знакомые.

– Да, но про нас знает слишком много людей, – напомнила ей Ева. – И невозможно понять, кому стоит доверять, а кому – нет.

Мамуся покачала головой:

– Это ошибка. Ты просто воспользовалась моим горем и убедила меня.

– Мамуся, я не хотела... – Голос у Евы сорвался, ее захлестнуло чувство вины. Она так спешила поскорее уехать, найти способ, как выбраться из города, и ей даже в голову не пришло, что, возможно, гораздо безопаснее было бы остаться. А вдруг мать права?

Поезд по-прежнему мчался на юг – через мосты над стремительными реками, набирая скорость, пересекал пустынные фермерские земли, и в конце концов мамуся уснула, тихо посапывая рядом с дочерью. Но слишком взбудораженная Ева никак не могла расслабиться. Она приняла решение за них обеих, и, если их схватят, виновата будет она. Возможно, им стоило остаться дома, где они могли рассчитывать на помощь друзей. Но кто стал бы рисковать ради них? Теперь они в бегах, нравилось им это или нет. Даже месье Гужон, который всегда казался ей достойным человеком, постарался поскорее от них отделаться.

Когда поезд остановился на полчаса в Мулене, в вагон вошли два десятка немецких офицеров и стали проверять документы, но вид у них был скучающий и усталый. Молодой темноволосый немец с румяными щеками мельком взглянул на разрешения на выезд Евы и ее матери, а затем перевел взгляд на ряд позади них. Ева облегченно вздохнула – до этой минуты, она, не отдавая себе в этом отчета, сидела, задержав дыхание. Однако полностью расслабиться она смогла лишь после того, как немцы вышли и поезд двинулся дальше.

– Так это и есть «Свободная Франция»? – пробормотала мамуся, когда час спустя поезд замедлил ход и стал подползать к Виши. Город даже в вечерних сумерках выглядел красиво. Корзины на окнах были полны цветов, а великолепные здания девятнадцатого века величественно устремлялись в самое небо. Они остановились посередине железнодорожных путей, и Ева стала высматривать в окно немецких солдат, но увидела лишь патрульных полицейских, французов. Однако, с другой стороны, именно французские полицейские приходили за ее отцом прошлой ночью. Никому нельзя доверять.

Поезд снова двинулся. Ева смотрела в окно, надеясь увидеть дворец, в котором разместились Петен и его министры после того, как они покинули Париж. Но перед ней проносились лишь парки, жилые дома и кафе. Когда поезд пересек реку Алье, протекавшую среди виноградников, начали сгущаться сумерки. После короткой остановки в Рьоме они продолжили движение на юг, и к этому времени за окнами уже совсем стемнело. Около девяти вечера поезд вздрогнул и наконец-то остановился под низкими сводами вокзала города Клермон-Ферран.

– И что теперь? – спросила мамуся, как только они вышли из поезда вместе с еще двумя дюжинами пассажиров. – Уже поздно, и автобусы вряд ли ходят.

Ева глубоко вздохнула. Даже после того, как им удалось выбраться на не оккупированную французскую территорию по поддельным документам, ей казалось, что самая опасная часть их путешествия только начинается.

– Будем ждать.

– Чего?

– Утра. – На станции было тихо, но Ева и ее мать были не единственными, кому пришлось провести эту ночь на жестких деревянных лавках. Почти половина пассажиров, которые приехали с ними на поезде, также расположились на платформе. Они клали под головы чемоданы и сумки, и, несмотря на теплую погоду, накрывались пальто, как одеялами. – Мамуся, попробуй уснуть. Я прослежу, чтобы ничего не случилось.

На следующий день ближе к вечеру Ева и ее мать наконец-то сели в автобус до Ориньона. Поездка заняла около полутора часов. Сначала они ехали по улицам мимо старых каменных домов, а затем – через зеленый лес и фермерские уголья.

Ориньон располагался на вершине холма и был окружен густым сосновым лесом. Когда автобус въехал в город и стал подниматься вверх по склону, до предела напрягая двигатель, Ева заметила очертания высокой горной гряды на западе. Она прижалась лбом к стеклу и разглядывала окутанные туманом склоны, пока автобус не свернул за угол, не замедлил ход и не остановился, завизжав тормозами, на маленькой площади, которую со всех сторон окружали невысокие приземистые здания.

– Ориньон! – объявил водитель шести пассажирам, которые находились в салоне. – Конец маршрута.

Люди медленно встали, взяли свои вещи и побрели к выходу. Ева с матерью выбрались из автобуса последними, и, когда он уехал, Ева наконец-то расслабилась и осмотрела новую для себя обстановку. У них все получилось.

Ориньон был совсем не похож на Париж, Ева еще никогда не бывала в таких местах. Родители несколько раз ездили с ней, тогда еще ребенком, на север, на побережье Бретани, где соленый морской воздух окрашивал фасады деревянных зданий в серый, «голубиный», цвет. Еще пару раз они выезжали в предместья Парижа, в тех местах на бескрайних пастбищах, изрезанных извилистыми ручейками, то тут, то там виднелись небольшие дома, а города были маленькими, милыми и опрятными.

Этот городок выглядел более компактным. Дома с узкими окнами стояли необычайно близко друг к другу, и их расположение казалось порой совершенно беспорядочным, как будто когда-то их построили строго в ряд, но потом земля поднялась и разметала их в разные стороны. Выложенные булыжником мостовые петляли, поднимаясь вверх по склону холма, а некоторые улицы, расходящиеся в разные стороны от городской площади, выглядели слишком узкими даже для одного автомобиля. На самом верху холма возвышалась маленькая каменная церковь с витражами и простым деревянным крестом над главным входом.

Но больше всего Еву поразило то, каким живым выглядел этот город, пускай на площади и была всего небольшая горстка людей. В Париже после прихода немцев люди одевались в основном в серую и черную одежду и ходили с опущенными головами, будто пытались слиться с окружающими их домами. Все краски словно вылиняли; во многих местах цветы и деревья, которые прежде пышно разрастались и наполняли город жизнью, теперь засохли или вовсе исчезли.

А здесь ящики на окнах были полны перечной мяты, кервеля, розовой, сиреневой и белой герани; плющ весело взбирался вверх по стенам каменных зданий, и казалось, что он рос тут еще со времен Французской революции. Одежда сушилась на веревках, натянутых на деревянных балконах. Даже церковь над городом словно вся светилась изнутри, и этот свет озарял разноцветные стекла ее витражей. Посреди площади стоял каменный фонтан со статуей бородатого мужчины, который в одной руке держал крест, а в другой – кувшин с водой, стекающей, весело журча, к его ногам. Сердце этого города еще не было растоптано, и на несколько секунд Ева замешкалась, не зная, что ей делать дальше.

– Что это за город? – шепотом спросила мамуся, обменявшись с Евой робкими улыбками впервые после ареста отца. Ева почувствовала, как у нее защипали глаза от слез радости. На несколько мгновений ей показалось, что все в их жизни еще может наладиться.

Она проглотила подступивший к горлу ком.

– Правда, здесь красиво?

– Похоже на деревню, в которой я выросла. – Мамуся, глубоко вздохнув, закрыла глаза. – Свежий деревенский воздух. Я уже почти забыла его.

Ева тоже вдохнула полной грудью – запахи примулы, жасмина и сосен не поддавались описанию словами. Когда она открыла глаза, мимо них прошла женщина, державшая за руки двух маленьких девочек, которые внимательно смотрели на Еву. Она тут же образумилась. Они

уехали из Парижа, но опасность еще не миновала – они путешествовали по поддельным документам и должны были найти место, где можно остановиться, не вызвав при этом подозрений.

– Пойдем, – сказала она матери.

Сжав ручку чемодана, Ева пошла вперед, мамуся последовала за ней, они покидали площадь с таким видом, словно хорошо знали, куда им идти. На самом деле Ева никогда еще не чувствовала себя такой потерянной, однако она старалась держаться спокойно и осматривалась по сторонам только в поисках какой-нибудь гостиницы. В центре этого маленького городка наверняка можно было найти какое-нибудь жилье.

Но поиски не сразу принесли результаты – она четыре раза сворачивала за угол, прежде чем увидела вывеску, на которой было указано, где находится *pension de famille*⁹. Облегченно вздохнув, Ева ускорила шаг, мать последовала за ней.

Они добрались до небольшого каменного здания в полутора кварталах от центральной площади. Его дверь оказалась закрытой и запертой на ключ, а занавески на окнах – задернутыми. Но Ева все равно постучала, потом, когда никто не открыл, постучала еще раз, настойчивее. Она принялась колотить в дверь и в третий раз, когда та распахнулась. На пороге появилась маленькая полная женщина с недовольным лицом в домашнем платье в горошек. Ее седые волосы были растрепаны и всклокочены, а щеки – круглые и красные, как помидоры.

– Ну? – спросила женщина вместо приветствия; ее глаза блестели, пока она смотрела то на Еву, то на мамусю. – И кто из вас поднял такой шум?

– М-м... здравствуйте, мадам, – неуверенным голосом начала Ева и натянуто улыбнулась женщине, когда та повернулась к ней, раздувая ноздри. В этот момент она была похожа на дикую кабаниху. – Мы... мы ищем гостиницу, где есть свободные комнаты.

Лицо женщины немного смягчилось, но сдаваться она не собиралась.

– И вы думаете, что можете просто заявиться сюда и потребовать, чтобы вам дали комнату?

Ева посмотрела на вывеску пансиона, затем – снова на женщину.

– Но ведь это пансион, поэтому...

Женщина слегка скривила губы, и Ева не смогла понять, что та сделает в следующую минуту: засмеется или возмущенно заворчит.

– Но в такой час? Разве нормальные приходят так поздно? Уже скоро ночь!

– Мы только что приехали на автобусе после долгого путешествия.

– Путешествия? Откуда?

– Из Парижа.

Женщина прищурилась, затем скрестила руки на груди.

– И что у вас за дела в Ориньоне?

– Э-э... – Ева запнулась. Настойчивые расспросы сбили ее с толку. Она такого не ожидала.

– Мы работаем секретарями, а сюда приехали к моей сестре, она живет здесь неподалеку, – спокойно сказала стоявшая позади нее мамуся. – Но у нее трое детей, и квартира совсем маленькая, поэтому для нас не нашлось места. – Ева удивленно посмотрела на нее, пытаясь скрыть свое потрясение. Она сама требовала от матери, чтобы та запомнила все эти сведения, но была уверена, что мамуся даже не слушала ее. – Так что, если у вас нет свободной комнаты, мы обратимся куда-нибудь еще.

Женщина посмотрела на мамусю, и ее губы изогнулись в легкой улыбке, но взгляд по-прежнему был крайне недоверчивым.

– Вы говорите с акцентом, мадам. Вы не француженка?

⁹ Семейный пансион (фр.).

Несколько секунд мать Евы молчала, а Ева молилась, чтобы та все правильно сказала. Если она ошибется, женщина может заявить на них властям, и тогда все будет кончено.

– Моя мать... – начала было она.

– Русская, – уверенно сказала ее мать, и Ева не смогла сдержать вздоха облечения. – Я уехала из России в 1917 году после революции и вышла замуж за француза. Моя дочь Ев... – она осеклась, а затем решительным тоном поправила себя: – Колетт родилась здесь, во Франции, через несколько лет после этого.

– Русская, – повторила женщина.

– Из белой эмиграции, – без запинки пояснила мамуся.

– Вы и ваша дочь Ев-Колетт. – Женщина усмехнулась, но в ее глазах больше не было злобы.

– Просто Колетт, – с волнением сказала Ева.

– Понятно, – отозвалась женщина. Она внимательно посмотрела на них, но даже не шелохнулась, а затем спросила по-русски: – Прекрасный вечер, не правда ли? – И мило улыбнулась мамусе.

Ева замерла. Женщина говорила по-русски? Поразительно!

Но мамуся и бровью не повела.

– Да, – уверенно ответила она.

Женщина прищурилась и снова спросила по-русски:

– Вы приехали сюда со своей дочерью?

Ева выдавила из себя вежливую улыбку и краем глаза посмотрела на мать.

– Да, – по-русски ответила мамуся, но уже менее уверенно.

– Хм, – протянула женщина и спросила по-русски: – Вы на самом деле не русская, не так ли? Вы – мошенница?

Вид у мамуси был совершенно потерянный.

– Да? – ответила она на свой страх и риск.

Ева задержала дыхание, когда женщина смерила мамусю долгим взглядом, а затем сказала по-французски:

– Хорошо, мадам. Вы и ваша дочь – *просто Колетт* – можете войти, пока еще не совсем стемнело. Пусть мы и в свободной Франции, но было бы большой ошибкой считать ее действительно свободной. – С этими словами она развернулась и тяжелыми шагами прошла внутрь дома.

– О чем она тебя спрашивала? – шепотом поинтересовалась Ева у матери.

– Понятия не имею, – тихо ответила мамуся. Они удивленно переглянулись и последовали за женщиной, закрыв за собой дверь.

В фойе они увидели, как женщина ищет что-то на своем маленьком столике. Она достала тоненький журнал в бордовом кожаном переплете для регистрации гостей.

– Вот она. Гостевая книга. – Она распахнула ее и протянула Еве открытую ладонь. – Дайте мне посмотреть ваши документы. И, если можно, побыстрее.

Ева с матерью протянули свои удостоверения личности и стояли молча, пока женщина изучала их, прищурив глаза. Затем она кивнула и занесла их данные в гостевую книгу. Ева боялась вздохнуть до тех пор, пока женщина не вернула им документы.

– Очень хорошо, – сказала женщина, протягивая ей ручку и переворачивая гостевую книгу для подписи. – Мадам Фонтен. Мадемуазель Фонтен. Я – мадам Барбье, хозяйка пансиона. Здесь у нас все просто, без изысков, но место надежное, по крайней мере, до тех пор, пока вы будете платить. Кстати, у вас есть деньги?

Ева кивнула.

– Вот и славно. Вы будете жить во втором номере, он в конце коридора. Хотя, боюсь, там всего одна кровать. Ключ от входной двери найдете на комодке. Как долго вы собираетесь оставаться здесь?

– Я не знаю, – нерешительно ответила Ева. – Здесь есть другие жильцы?

Мадам Барбье удивленно приподняла брови.

– Вы двое – единственные, у кого хватило безрассудства приехать сюда из Парижа, чтобы провести отпуск в горах посреди войны.

Ева натянуто улыбнулась:

– Замечательно, спасибо, мадам Барбье. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. – Мадам Барбье повернулась к мамусе и пожелала ей спокойной ночи на русском.

– Спокойной ночи, – вежливо ответила ей по-русски мамуся и, не тратя время попусту, быстро пошла по коридору ко второму номеру. Ева последовала за ней, буквально ощущая на себе сверливший ее взгляд мадам Барбье.

Оказавшись в номере, вымотанная до предела Ева сменила свою дорожную одежду на рубашку и скользнула под одеяло. Вскоре усталость взяла свое, и той ночью она крепко спала, свернувшись калачиком и прижавшись к матери.

– Как думаешь, она нам поверила? – спросила мамуся, когда Ева, проснувшись рядом с ней на следующее утро, заморгала от солнечного света, заполнившего комнату. Здесь даже солнечные лучи казались чище и ярче, чем в Париже.

– Мадам Барбье? – Ева зевнула и перевернулась на другой бок, наконец-то отпустив руку матери, за которую держалась всю ночь. – Наверное. Она записала наши данные и позволила нам остаться.

Мамуся кивнула:

– Ты сказала ей, что у нас есть деньги, Ева. Но что мы будем делать, когда она поймет, что это не так?

Ева виновато пожала плечами:

– Но они у нас есть.

– Что?

– Я... ээ... я взяла немного франков из кухонного шкафчика в квартире мадам Фонтен.

– *Что* ты сделала?

– Я искала ручки. И случайно нашла деньги.

– Ева Траубе! Я воспитывала тебя не для того, чтобы ты стала воровкой!

У мамуси был такой возмущенный вид, что Ева не решилась рассмеяться.

– Знаю, мамуся, я никогда в своей жизни ничего не крала. Но нам очень нужны были деньги, и, честно говоря, если бы мадам Фонтен не была так занята заботой о матери, то тут же сдала бы нас властям.

Выражение лица мамуси немного смягчилось.

– Ева, а что, если она обратится в полицию, когда поймет, что мы ее ограбили...

– Мамуся, нас там уже нет. И что сможет сделать полиция? Во второй раз занести нас в свои списки?

Через полчаса они вышли из своего номера. Мадам Барбье ждала их в общем зале, перед ней стояла большая миска со спелой клубникой. Она жестом предложила им сесть напротив. Ева с матерью взволнованно переглянулись, но все же уселись. Ева поймала себя на мысли, что не ела клубники с тех пор, как началась война.

– Угощайтесь, – просто сказала она, и желудок Евы так громко заурчал, что мадам Барбье удивленно приподняла брови.

– Наверное, мы не сможем, – попробовала отказаться Ева. – У нас нет продовольственных карточек и...

– Я вырастила ее в своем саду, – перебила ее мадам Барбье. – И судя по вашему виду... да еще звукам, которые вы издаете, вы голодны. Так что поешьте. Я не буду предлагать дважды.

Ева немного помедлила, а затем взяла одну ягоду. Она откусила и с трудом сдержалась, чтобы не застонать от удовольствия, когда сладкий сок наполнил рот.

– Спасибо, – поблагодарила Ева и, проглотив ягоду, потянулась за другой, раздумывая о том, сколько им придется за это заплатить.

Однако, когда Ева и ее мать опустошили всю миску, мадам Барбье лишь кивнула.

– Хорошо, – сказала она, вставая. – Ужин ровно в семь, будет картофельный суп.

– Но мы не можем... – начала было Ева, но мадам Барбье жестом прервала ее.

– Нельзя, чтобы вы голодали. Как хозяйка пансиона, не могу этого допустить. – С этими словами она вышла из комнаты, половицы тяжело скрипели под ее ногами.

– Очень мило с ее стороны, – сказала мамуся после долгого молчания.

Ева кивнула, но на душе у нее было беспокойно. Пока они ели, мадам Барбье разглядывала их так, словно они были подопытными образцами в пробирке. Еве казалось, что вчерашняя попытка ее матери разговаривать по-русски закончилась полным провалом. Неужели хозяйка пансиона что-то замыслила? Но в то же время они не могли отказываться от бесплатной еды.

– Мамуся, я думаю, тебе сегодня лучше не выходить из нашей комнаты, – тихо сказала она. – Мне придется немного прогуляться одной. Я разговариваю без акцента, а значит, никто не будет задавать мне лишних вопросов.

– Не такой уж у меня сильный акцент, – заметила в свое оправдание мамуся.

– Мамуся, ты говоришь, как Владислав Сикорский.

Мамуся поморщилась:

– *Gdy słońce wyżej, to Sikorski bliżej.*

Ева удивленно округлила глаза, услышав популярное высказывание, восхвалявшее премьер-министра Польши в изгнании. Оно переводилось как: «Когда солнце выше, Сикорский ближе».

– Просто не выходи на улицу. И не закрывай окно на случай, если придется бежать.

– Теперь ты хочешь, чтобы я выпрыгнула в окно?

– Мамуся, я просто стараюсь быть осмотрительной. Все нужно продумывать на два шага вперед.

– Ты так говоришь, словно я – вторая Мата Хари, и, кстати, не забывай, что с ней случилось, – проворчала мамуся. Однако она встала и, шаркая ногами, побрела в их номер. Ева подождала, пока не раздастся щелчок замка, а потом вышла из дома.

Глава 6



В разгар дня Ориньон казался еще прекраснее: город купался в теплом сиянии золотистых солнечных лучей, заливавших улицы и дома. Цветы в ящиках на окнах при дневном свете казались намного ярче, чем вчера, и раскрашивали город в сияющие розовые, фиолетовые и красные цвета. Воздух здесь был намного чище, чем в сотне километров к югу отсюда в оккупированной зоне, и Еве казалось, что в нем чувствовался запах свободы.

Но они с матерью не собирались уезжать без отца. Татуш хотел, чтобы она бежала, но так поступить она не могла. Ева надеялась, что ей удастся освободить его, и не сомневалась, что найдет способ. У нее оставался еще один бланк удостоверения личности, который дал ей месье Гужон, а также фотографии отца. Все это она наспех зашила утром в полу пиджака, который убрала в чемодан. У нее было почти все необходимое, чтобы сделать новые документы для отца и предъявить их властям в доказательство того, что его арест был ошибкой. Однако ручки ей пришлось оставить в Париже – при любой проверке ее могли бы заподозрить в подделке документов. Поэтому Ева, решив не рисковать, не взяла их с собой в поезд.

Проблема заключалась в том, что без чернил определенного цвета она не могла изготовить такие же документы, как для себя с матерью; обычные чернила, которые использовались для письма, не подходили. Ей нужны были красные, голубые и черные. Мадам Барбье и так смотрела на них с матерью с подозрением, и даже то, что она угостила их клубникой, не убедило Еву в обратном. Она не хотела испытывать судьбу, спрашивая у мадам Барбье о магазине, где она могла бы купить все необходимое. Ева решила, что сама найдет такой магазин.

Она шла по узким улочкам, которые вели во все стороны от центральной площади, словно изогнутые спицы колеса. Она заглядывала в каждое окно, надеясь, что там окажется магазин с товарами для художников. В городе было совсем тихо, и Еве даже не верилось, что она находится на улице. В шумном Париже ей никогда не доводилось испытывать подобного чувства. Вдали от главной площади город казался еще красивее: каменные строения здесь чередовались с домами, построенными из дерева и кирпича, они напоминали Еве картинки из книг со сказками, которые она читала в детстве. Свернув в четвертый переулок, она немного расслабилась. Тихая идиллия, в которую был погружен город, где как будто не знали, что война в самом разгаре, успокаивала ее. Она чувствовала себя так свободно и непринужденно, что даже не сразу заметила в конце переулка высокого худого мужчину, одетого, несмотря на жаркую погоду, в плащ с поднятым воротником. Он шел, немного прихрамывая, правая нога у него не сгибалась в колене.

Ева видела его в паре улиц отсюда, и теперь она свернула за угол и спряталась в дверном проеме. Затаив дыхание, она размышляла о том, пойдет ли он за ней или нет. Если пойдет, значит, это вряд ли совпадение – зачем жителю Ориньона петлять по городским улочкам, следуя тем же путем, что и она? Если же нет, значит, ей нужно держать в узде свое разыгравшееся воображение.

Секунды тянулись бесконечно долго. Мужчина в плаще так и не появился. «Хватит! Нельзя во всех видеть страшных и ужасных немцев!» – упрекнула себя Ева. Она вышла из своего убежища, все еще продолжая отчитывать себя, и в этот самый момент столкнулась с мужчиной, который быстро повернул за угол. Ева вскрикнула и попятилась.

– Ой, простите, – тут же сказал он низким глухим голосом, пряча лицо за лацканами плаща.

Сердце Евы забилося быстрее. По крайней мере, он говорил без немецкого акцента. Светлые рыжеватые волосы, длинный острый нос, густые брови, на вид он был лет сорока пяти или около того. Вдруг это французский полицейский, который следил за ней после того, как его предупредила мадам Барбье? Но в таком случае почему он не попросил ее показать документы? Прокручивая в голове различные варианты, она решила просто обратиться к нему. А если ей придется бежать, то его хромота наверняка его задержит.

– Вы следите за мной? – требовательным тоном спросила Ева. Она хотела, чтобы ее голос звучал уверенно, но почувствовала, как он слегка дрогнул.

– Что? – Мужчина отступил назад, лацканы плаща по-прежнему скрывали нижнюю часть его лица. – Нет, конечно. Простите, мадемуазель. Хорошего вам дня. – Он пошел прочь, прихрамывая. Ева смотрела ему вслед, ожидая, что он оглянется. Но он так и не оглянулся. Возможно, она ошиблась.

Однако эта встреча ее расстроила, она продолжила заглядывать в окна магазинов, но ускорила шаг. Ощущение покоя испарилось, теперь и Ориньон начал казаться ей зловещим.

Через четверть часа Ева нашла маленький магазин, где продавались книги и канцелярские товары, и на витрине стоял большой футляр с перьевыми ручками. Она быстро прошмыгнула внутрь в надежде, что там также есть ручки для каллиграфии. В магазине она, на мгновение закрыв глаза, глубоко вдохнула знакомый запах бумаги, кожи и типографского клея, который словно перенес ее в библиотеку Сорбонны в Париже. Сможет ли она еще раз пройти среди всех тех книг, наслаждаясь царящей там тишиной и осознанием того, что ее окружает мир слов и знаний? Станет ли когда-нибудь Париж для нее домом, как прежде?

– Мадемуазель? Я могу вам помочь? – Когда Ева открыла глаза, она увидела за прилавком пожилую женщину, которая смотрела на нее с тревогой и подозрением.

– Прошу прощения. – Ева почувствовала, как зарделись ее щеки. – Я... я просто подумала, что это так приятно, когда тебя окружают книги. – Ее слова прозвучали странно, и Ева покраснела еще сильнее.

Но женщину они не смутили. Напротив, она улыбнулась, и все сомнения Евы рассеялись.

– А, как же я сразу не догадалась. Вы одна из нас.

– Простите?

– Вы из тех, кто находит себя на этих страницах, – объяснила женщина, показывая на окружающие ее стеллажи. Они были до отказа забиты книгами, расставленными безо всякой системы, и чем-то напомнили Еве устройство города: хаотичное, но вместе с тем прекрасное. – Та, кто видит свое отражение в словах.

– О да, думаю, это про меня, – сказала Ева, и внезапно ее охватило чувство покоя. Ей захотелось остаться здесь на весь день, но ее ждала работа.

– Я могу подобрать для вас что-нибудь? – предложила женщина, проследив за взглядом Евы, которая рассматривала книжные полки. – Если вам нужен совет, спрашивайте, я знаю здесь все книги.

– Я... я с удовольствием купила бы одну из книг, – сказала Ева, – но у меня мало денег, и мне нужно приобрести кое-какие ручки.

– Ручки?

Ева кивнула и объяснила, что ей было нужно. Хотя женщину явно разочаровало нежелание Евы обсуждать с ней книги, она встала из-за прилавка, ушла в глубь магазина и вернулась с ручками, заправленными черными, красными и синими чернилами.

– Вам эти нужны?

– О да. – Ева потянулась за ручками, но женщина отвела руку, и на ее лице появилось выражение настороженности.

– Зачем они вам? Вы – художница?

– М-м... да.

– А я думала, что вы любительница книг.

– Я была. То есть до сих пор их люблю. – Ева снова вдохнула знакомый запах и добавила с грустью: – Я... я работала одно время в библиотеке в Париже.

– В Париже?

Ева тут же поняла, что совершила ошибку. Зачем она рассказывает незнакомому человеку о своей реальной жизни?

– Ну да, просто... – начала Ева, но женщина повернулась и, шаркая ногами, подошла к одному из стеллажей за ее спиной.

– Вы, наверное, скучаете по Парижу? Мой сын жил там, пока его не убили. Париж был поистине волшебным местом, пока туда не пришли немцы.

– Да, так и было, – тихо сказала Ева. – Мне жаль вашего сына.

– Спасибо. Он был хорошим человеком. – Женщина повернулась и протянула ей книгу, прежде чем Ева успела задать ей вопрос. После минутного колебания Ева взяла книгу и посмотрела на обложку. Это был «Милый друг» Ги де Мопассана. – В этой книге действие происходит в Париже, – сказала женщина.

– Да, я читала ее, – растерянно ответила Ева. – Она о мужчине, который соблазнил почти всех дам в городе.

Женщина рассмеялась.

– Совершенно верно. Ну, если уж на то пошло – чем пикантнее книга, тем она лучше, вы не находите? – Ее глаза заблестели. – Как бы там ни было, я думаю, вы скучаете по дому.

– В нынешнем Париже осталось так мало того, о чем можно было бы скучать. – И снова Ева испугалась, что сболтнула лишнего.

Женщина кивнула:

– Полагаю, что так и есть, но здесь рассказывается о Париже задолго до того, как он оказался в руках немцев, моя дорогая. Пожалуйста, возьмите эту книгу. Читайте ее подарком за покупку ручек.

– Но... – Ева была поражена добротой этой незнакомки. – Почему?

– Потому что книги переносят нас в другое время и место, – ответила женщина, отдавая ручки Еве и принимая от нее деньги. – И мне кажется, вам сейчас как раз это и нужно.

Ева улыбнулась:

– Не знаю, как благодарить вас, мадам.

– Моя дорогая, вы отблагодарите меня, если будете беречь себя.

Покинув магазин, Ева пошла обратно в пансион. По пути она все время оглядывалась по сторонам, проверяя, не следит ли за ней мужчина в плаще, и удивлялась, как кстати пришлось неожиданное пожелание той женщины из книжного магазина.

Остаток дня и весь вечер Ева поддельвала документы для отца, тренировалась рисовать печати на газете, которую обнаружила в холле. Утром она собиралась ее сжечь. В какой-то момент мадам Барбье постучала в дверь и коротко объявила, что ужин готов и Ева с матерью могут поесть. Они ненадолго покинули номер и молча проглотили немного картофельного супа в столовой. Вскоре после полуночи, не выпуская ручку из пальцев, Ева заснула за столом в их маленькой комнате.

На рассвете что-то заставило Еву резко пробудиться, она рывком подняла голову со стола, моргая в полумраке комнаты, который уже чуть рассеивали первые робкие лучи. Мамуся громко храпела на кровати позади нее. На столе перед ней лежала газета, на которой были нарисованы поддельные печати. Теперь газета была влажной от ее слюны.

Ева попыталась понять, что именно ее разбудило, и тут в дверь тихо постучали. Ева замерла. Кто мог стучаться к ним в столь ранний час? Может, мадам Барбье пришла взять плату за номер?

Она быстро спрятала газету в ящик стола, а ручки и документы отца – под матрас. Мать даже не пошевелилась. Ева знала, что должна открыть дверь, – если затаиться, мадам Барбье может что-то заподозрить. Ну да, это точно мадам Барбье, кто же еще? В конце концов, полицейские вряд ли бы стали стучать так вежливо. Они колотили бы в дверь, а потом бы просто вышибли ее, если им не открыть. Убедив себя, что по другую сторону двери нет никакой опасности, Ева слегка приоткрыла дверь и выглянула в темный коридор.

Прошло полсекунды, прежде чем ее глаза привыкли к полумраку, и еще столько же, пока она, к своему ужасу, не осознала, что это не мадам Барбье. Перед ней стоял тот самый человек, который следил за ней в городе: высокий, худой, хромым мужчина в плаще.

Ева в ужасе открыла рот, но подавила крик и попыталась захлопнуть перед ним дверь, однако он мгновенно поставил ногу в образовавшуюся щель.

– Пожалуйста, мадемуазель Фонтен, – быстро проговорил он. – Я не причиню вам вреда.

Ева тщетно старалась закрыть дверь. Ее сердце бешено колотилось. Он назвал ее мадемуазель Фонтен, а значит, мадам Барбье выдала ее – кто еще мог ему сказать их фальшивые имена?

– Чего вы хотите? – возмутилась она. Он заговорил, но она прервала его. – Подойдете ко мне хоть на шаг – закричу.

Тут Ева вспомнила, что в номере находилась ее мать, которая способна спать в любой обстановке.

– Мадемуазель, я вас прошу. Не нужно этого делать. Честное слово. Я – друг.

– Друзья не ходят за вами по пятам и не являются среди ночи, – возразила Ева.

– Вообще-то хочу обратить ваше внимание, что я дождался, пока рассветет. – Его глаза улыбались. Еву поразило, каким неожиданно добрым выглядело его лицо. Ворот плаща больше не скрывал его, и она смогла полностью рассмотреть лицо незнакомца: чисто выбритый подбородок, большой рот, ямочка на левой щеке, совсем как у ребенка. Он показался ей моложе, чем вчера. На шее у него под белым воротничком поблескивал золотой крест.

– Кто вы такой? – спросила она.

– Я – отец Клеман, – ответил он. – Настоятель церкви Сен-Альбан, которая стоит на холме.

– Священник? – с недоверием спросила она. – Зачем католическому священнику преследовать меня по всему городу?

– Я приношу свои искренние извинения. Я не думал, что это будет выглядеть так явно. – У него был смущенный вид. – Я... х-м... впервые такое делал.

– Что делали?

Он почесал затылок.

– Понимаете, мадам Барбье рассказала мне о ваших документах.

У Евы все тело напряглось.

– А что такое? Они в полном порядке.

– Да, собственно она именно так и сказала. – Он запнулся. – А еще она сказала, что ваша мать по документам русская эмигрантка. Но на самом деле она вовсе не русская.

– Это неправда, – возмутилась Ева, чувствуя, как загораются ее щеки.

У отца Клемана был смущенный вид.

– Понимаете, мадам Барбье родилась в России. Она из настоящей белой эмиграции, приехала сюда после революции. Она уверена, что ваша мать – полька, а значит, вы путешествуете по поддельным документам.

– Разумеется, вы ошибаетесь. – Ева старалась не смотреть ему в глаза. – И что теперь? Вы заявите на нас в полицию?

– Нет, ничего подобного.

– А что же?

– Я надеялся, что вы расскажете мне, откуда у вас эти документы. Хотя, думаю, я уже знаю ответ на свой вопрос.

– Что вы имеете в виду?

– Ваши руки, – сказал он, понизив голос.

Ева опустила глаза и с ужасом поняла, что подушечки ее пальцев были серыми от размазанных по ним чернил.

– Это не то, что вы думаете.

Он отступил на шаг.

– Если вы хотите, чтобы я ушел, мадемуазель, я исполню ваше желание, но, знаете, у меня тоже есть друзья, чьи пальцы испачканы чернилами. Ваша работа впечатлила мадам Барбье, и я... я думаю, что мы с вами могли бы помочь друг другу.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Сегодня я весь день буду в церкви. Я мог бы предоставить вам материалы получше тех, что вы найдете в книжном магазине.

– Но я...

– Поймите, немцы смотрят не только на документы, удостоверяющие личность. Если вы хотите без приключений выехать из страны, одних только художественных навыков вам будет мало. – Ева ничего не ответила, а он слегка улыбнулся: – Я смогу вам помочь. Прошу вас, подумайте об этом. – Он кивнул, развернулся и быстро удалился. Ева увидела, как он прошел по коридору и исчез за углом. Мгновение спустя она услышала, как открылась и закрылась входная дверь, и лишь после этого с облегчением выдохнула, даже не осознавая, что все это время не дышала. И неважно, были ли слова отца Клемана искренними или нет, главное – их раскрыли, и виновата в этом она.

Глава 7



– Просыпайся! – Ева пыталась растолкать мать. Мамуся наконец проснулась и сонно заморгала, и Ева снова толкнула ее так сильно, что та едва не свалилась на пол. – Вставай, мамуся. Нас обнаружили. Нельзя терять ни минуты.

– Ты о чем? – Мамуся тут же очнулась и схватила висевшие на спинке стула у окна юбку и блузку, которые надевала вчера. – Что стряслось?

– Мадам Барбье поняла, что наши документы поддельные. Сегодня к нам приходил человек и спрашивал про них.

– Что? – Лицо матери побледнело, она дрожащими пальцами застегивала пуговицы на блузке и натягивала юбку на пышные бедра. – Это был полицейский? – Она начала собирать разложенные по комнате вещи, бросая их в чемодан.

– Нет. – После короткой паузы Ева добавила: – Священник.

Ее мать замерла на месте.

– Священник?

– Он так сказал.

– Но... зачем же он приходил? Он сотрудничает с властями?

– Не думаю. – Ева все еще размышляла о том, кем он был: другом или врагом. Разве то, что он ушел, после того как пригласил ее в церковь, не было хорошим знаком? – Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, он говорил, что сотрудничает с другими людьми, которые подделывают документы. Мне... мне показалось, что он хотел предложить мне работать с ним. – В тот момент, когда Ева произнесла эти слова, она вдруг сообразила, что, возможно, неправильно поняла суть недавней беседы. Священник возглавляет группу, занимающуюся подделкой документов? Звучало слишком неправдоподобно.

– Что он сказал?

– Что может помочь мне. Не знаю, что именно он имел в виду.

Мать уставилась на нее широко раскрытыми глазами.

– Ева, а вдруг он поможет тебе найти твоего отца и добиться его освобождения?

– Но это может быть и ловушка.

– Расставленная священником?

– Разве все священники непременно должны быть достойными людьми?

– Я плохо знакома с католицизмом, но уверена – это одно из обязательных требований в их работе.

Ева пожалала плечами. Но в одном ее мать права. Священник мог оказаться тем самым человеком, который поможет ей вытащить отца из тюрьмы. И времени у нее было мало. Возможно, после того как она спрячет мать, она все же рискнет, сходит в церковь и проверит, правда ли то, что ей предлагал этот человек. – Хорошо, – сказала она наконец. – Я встречу с ним, но сначала отведу тебя в какое-нибудь безопасное место.

– Куда мы пойдем?

– Не знаю. Но тебе нельзя здесь оставаться, пока мы не выяснили, на нашей стороне мадам Барбье или нет. – Ева на минуту задумалась, и у нее появилась идея. – Думаю, я отведу тебя в книжный магазин. – Это единственный вариант, который пришел ей в голову. Та женщина была добра к ней. И Ева не хотела верить, что человек, живущий за счет книг, может быть злым в душе.

Ева отвела мать в книжный магазин и рассказала его пожилой владелице не особо убедительную историю о том, как ее мамуся давно мечтает полистать разные книги. Скорее всего, женщина поняла, что мать Евы ищет место, где она могла бы на время укрыться. Обнадеженная этой мыслью, Ева поспешила в церковь. «Моя дорогая, вы отблагодарите меня, если будете себя беречь», – сказала она ей вчера. Ева молилась о том, чтобы данное пожелание распространялось и на ее мать тоже.

Теплое утро вдохнуло жизнь в город, хотя он по-прежнему казался Еве самым тихим местом на Земле. Она могла по пальцам сосчитать, сколько человек встретилось ей на пути. На улице Паскаля мясник в забрызганном кровью фартуке мыл витрину своей лавки. С полдюжины женщин с продуктовыми карточками в руках выстроились в очередь перед пекарней на улице Леван. Некоторые из них обменивались сплетнями, склонив друг к другу головы, другие вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, сколько хлеба еще осталось внутри. Когда Ева проходила мимо цветочной лавки на углу, она поздоровалась с ее хозяйкой, полной женщиной средних лет, та расставляла в ведре небольшую охапку ярко-розовых пионов. Но остальную часть своей дороги Ева, взволнованная и встревоженная, не общалась ни с кем.

Церковь Сен-Альбан находилась всего в двух кварталах от книжного магазина на вершине холма, и Ева добралась до нее раньше, чем успела окончательно собраться с мыслями и обдумать, что ей делать дальше. У дверей она ненадолго остановилась, положив ладонь на железную ручку, но не решилась сразу войти. «Что же ты, Ева, – сказала она себе. – Нельзя упускать такой случай. Тебе будет непросто убедить власти отпустить отца».

Призвав на помощь все свое мужество, она открыла дверь и вошла. Церковь была маленькой и тускло освещенной; впереди, за дюжиной длинных узких деревянных скамей, располагался алтарь. На возвышении стояла кафедра, и за ней – маленькая золотая чаша. У дальней стены высилась золоченая фигура Иисуса: его лицо было искажено мукой, взгляд устремлен к небесам, а тело – пригвождено к деревянному кресту. На алтаре на маленьких подставках мерцали свечи. Отца Клемана нигде не было видно.

Ева вздрогнула и опустилась на одну из деревянных скамей. Она никогда раньше не бывала в церкви и не знала, что ей делать. Время шло, а отец Клеман так и не появился, и она начала волноваться за мать. Что если это ловушка? Вдруг отец Клеман проследил за ней до книжного магазина и привел туда полицейских, как только Ева ушла? Но, с другой стороны, зачем ему так делать, если он мог привести полицию к ним в номер еще утром?

Дверь в церковь распахнулась. Ева ожидала, что сейчас появится отец Клеман и, прихрамывая, пойдет по проходу между рядами скамей. Но вместо этого в храм вошла молодая пара примерно ее возраста. Мужчина надвинул шляпу на глаза, а у женщины, чья голова была покрыта тонким платком, был весьма настороженный вид. Она водила глазами по сторонам и, заметив Еву, перекрестилась. Молодой человек дернул ее за руку и повел в глубь церкви к двери, на которой висела маленькая табличка с надписью «Исповедальня». Они оба исчезли за ней.

Ева обернулась и посмотрела на крест, что-то ее встревожило. Разве католики исповедуются не поодиночке? По книгам у нее сложилось именно такое впечатление. Но дело не только в этом. Она могла поклясться, что молодая женщина перекрестилась неправильно. Ева видела, как крестился Жан Габен в фильме, – в каком точно, она не помнила, – возможно, в «Великой иллюзии», или «Человеке-звере», или «Набережной туманов». Но ей врезалось в память, что сначала он дотронулся до головы, потом – до груди, затем – до левого плеча и после – до правого. Эта же взволнованная женщина прикоснулась ко лбу, к правому плечу, к груди и в конце – к левому плечу. Получившаяся фигура по форме больше напоминала алмаз, а не крест.

Ева притворилась, будто молится, и стала ждать, когда пара вернется после исповеди. Если они оба были католиками, то что еще им там делать? Время шло, Ева снова подняла глаза к статуе Иисуса, выполненной в мельчайших подробностях. Он выглядел как живой человек,

его лицо было полно страдания и боли, и Ева задумалась о том, каким гонениям он подвергся при жизни. Жизнь Иисуса никогда ее особенно не интересовала. Она не верила, что он был Мессией, однако считала его хорошим человеком, с которым жизнь обошлась несправедливо. Похоже, это была старая как мир история: людей, которые чем-то отличались от большинства, уничтожали.

Вдруг тишину нарушил скрип дверных петель. Ева незаметно обернулась и увидела, что пара уходит. Мужчина нес стопку бумаг, которые он засунул себе под рубашку перед тем, как открыть входную дверь. Солнечный свет проник в церковь и так же быстро исчез вместе с парой. Ева нахмурилась и опять обернулась к Иисусу.

– Ты, наверное, знаешь, что тут творится? – тихо проговорила она ему. – Ты ведь все видишь, не так ли?

– Он видит. Или по крайней мере мне хотелось бы в это верить.

Ева вскрикнула и обернулась влево, где примерно в двух метрах от нее на скамье спокойно сидел отец Клеман.

– Откуда вы появились? – Сердце Евы бешено забилося.

– О, я подсел к вам, пока вы наблюдали за тем, как уходят мои гости. Никогда не забывайте оглядываться по сторонам. Пусть это будет для вас одним из первых уроков.

– Уроков?

– Но, думаю, вы тоже можете нас кое-чему научить, – продолжал он. – И, отвечая на ваш вопрос, скажу, что мне нравится верить, будто Господь следит за всеми нами. Это позволяет мне чувствовать себя чуть более защищенным среди хаоса и неопределенности. Надеюсь, вы также сможете найти в этом немного утешения. – Он встал и пошел прочь. Ева смотрела ему вслед. Он уходит? Что это означало? Но он оглянулся и улыбнулся ей. – Ну что, моя дорогая? Вы идете?

– Куда?

– Сейчас увидите. – Он не стал дожидаться ее ответа и, прихрамывая, пошел дальше. Ева колебалась всего секунду, а затем последовала за пастором. Он отпер дверь справа от алтаря и вошел внутрь, даже не оглянувшись. Еще раз посмотрев с волнением на статую Иисуса, она шагнула за ним.

– Добро пожаловать в нашу библиотеку, – сказал отец Клеман, закрывая за ней дверь, пока Ева с изумлением рассматривала помещение.

Ей показалось, будто она попала в сказку: комната была заполнена книгами, вдоль дальней стены, над книжными полками, располагались окна примерно в метр высотой, каждое – с витражными стеклами. Сквозь них проникали разноцветные лучи, падавшие на бесчисленные фолианты в кожаных переплетах, которые стояли плотно друг к другу и занимали практически все поверхности в помещении. Посреди комнаты находился деревянный стол, а по его краям – два деревянных стула.

Ева, как зачарованная, потянулась к книжной полке и достала первую попавшуюся книгу. У нее был коричневый кожаный переплет, потрепанный на уголках, и на корешке золотом вытиснены полустершиеся золотые цветы и завитки, а также название: «Послания и Евангелия». Она с благоговением провела пальцами по обложке. Книге было, наверное, лет двести.

– Я думаю, ее напечатали в 1732 году, – сказал отец Клеман, словно по-прежнему читая ее мысли. Она подняла глаза, не выпуская книгу из рук, а он улыбнулся ей и обвел взглядом комнату. – Большинство собранных тут книг изданы еще до Французской революции. Эта церковь стоит здесь с давних времен, и наша библиотека – одна из главных сокровищниц города. Честно говоря, это мое самое любимое место на свете, я прихожу сюда, когда мне требуется уединение. Я подумал, что вам здесь тоже может понравиться.

– Какое великолепие, – пробормотала Ева, на мгновение потеряв бдительность. Книги, в каком бы уголке света они ни находились, всегда ассоциировались у нее с домом. – Вы можете

приходить сюда в любое время, когда только захотите? – спросила она. Ева с неохотой положила книгу на стол, но ей не терпелось рассмотреть и те, что стояли на полках.

Отец Клеман усмехнулся:

– Да, думаю, что в любое.

Ева посмотрела на него, и он улыбнулся. Лицо у него было открытым, расслабленным, и ей показалось, что он так же очарован этим местом, как и она.

– Зачем вы меня позвали?

– Думал, что мы могли бы помочь друг другу.

Ева снова насторожилась:

– Помочь друг другу?

Улыбка исчезла с его лица, и, хотя глаза по-прежнему оставались добрыми, в них сквозила неуверенность. Создавалось впечатление, что он старательно обдумывал каждое слово.

– Документы при вас? Я могу взглянуть на них?

– Зачем? – Ева попятилась к закрытой двери. Не могла ли эта чудесная библиотека оказаться всего лишь ловушкой? Позволившей ей ненадолго прикоснуться к совершенству, перед тем как капкан захлопнется навсегда?

– Перестаньте, мадемуазель, я уже сказал, что не желаю вам зла. – Он потер шею – казалось, что подбирает подходящие слова: – Ну хорошо, я не стану ходить вокруг да около. Нам нужен человек, обладающий, скажем так, художественными навыками.

– Художественными навыками?

– Да, определенными приемами, которые позволят ввести в заблуждение даже самого бдительного служителя закона. А людям, не сделавшим ничего дурного, вырваться на свободу.

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

Он выглядел слегка растерянным:

– Ну, видите ли, нам с друзьями удалось раздобыть кое-какие материалы. Но потребность в них растет слишком быстро, и мы не успеваем оказывать свои услуги в должной мере. Мадам Барбье поддерживает меня, и она считает, что нам могли бы пригодиться ваши способности.

Ева глубоко вздохнула. У нее было такое чувство, словно она сейчас должна спрыгнуть со скалы и назад дороги у нее уже не будет.

– Вы говорите о подделке документов?

Он замер, встретившись с ней взглядом.

– Да. Да, мадемуазель. Именно об этом. Еще раз прошу, нельзя ли мне взглянуть на ваши документы?

Она немного помедлила, а затем достала их из кармана и молча передала ему. Священник, морща лоб, принялся изучать их. В ее душу закралось сомнение, не совершает ли она ошибку, доверившись ему.

Наконец он поднял глаза:

– Очень хорошо. Мадемуазель Фонтен, не так ли?

– Да, разумеется. Ведь так написано в моем удостоверении личности.

– Конечно, написано. – Он улыбнулся ей. – Что ж, мадемуазель Фонтен, вы произвели на меня впечатление. И теперь, если честно, я с еще большим рвением попрошу вас об одолжении.

Что будет, если она поможет еще кому-нибудь спастись, – точно так же, как спаслись они с матерью? Но она не смела и думать об этом, пока жизнь ее отца все еще оставалась в опасности. Ева откашлялась: – Знаете, я бы охотно вам помогла, но есть одна проблема. Мой отец арестован. Это недоразумение. – Она посмотрела ему в глаза: – В Париже несколько дней назад была большая облава. В тот день забрали много евреев.

– Да. Это ужасная трагедия. Около тринадцати тысяч человек.

Значит, ужасное предсказание Жозефа было не таким уж и абсурдным.

– Откуда вы знаете?

– Как я уже сказал, у меня есть друзья. Большинство арестованных отправили в Дранси к северо-востоку от Парижа, это большой концентрационный лагерь. Вы говорите, что ваш отец был среди них? Мне жаль это слышать.

– Да. – Ева все еще не была до конца уверена, что может доверять этому человеку. И она впервые услышала о концентрационном лагере. – Я хотела бы исправить эту ошибку, но у меня нет необходимых документов.

– А, понятно. Что ж, мадемуазель Фонтен, я мог бы вам в этом помочь.

– Правда? – У Евы перехватило дыхание.

– Конечно. Если вы поедете в Дранси с письмом от аргентинского консула, в котором будет указано, что ваш отец – гражданин Аргентины, властям придется освободить его, – буднично пояснил отец Клеман. – Видите ли, немцы заключили договор с правительством Аргентины. Они не должны арестовывать их граждан, даже евреев.

Ева удивленно открыла и закрыла рот. Ей и в голову не могло прийти, что понадобятся подобные бумаги. Но, разумеется, она не могла просто так заявиться к воротам лагеря и предъявить удостоверение личности отца, пусть даже и очень хорошо подделанное; этого явно было бы недостаточно.

– У вас есть друзья в аргентинском посольстве? – осторожно спросила она.

– Нет. – Отец Клеман поймал ее взгляд. – Но я знаю, как выглядят их документы. И в моем распоряжении много материалов. Я очень хочу вам помочь, мадемуазель. Однако и мне нужна ваша помощь. Есть бумаги, над которыми требуется поработать.

– Я понимаю.

– Может, обдумаете все хорошенько? – Он подвел Еву к двери, открыл ее и проводил девушку до выхода из церкви. Ева чувствовала себя совершенно растерянной. На мгновение она представила себя среди стеллажей с книгами в парижской библиотеке, где она волновалась только о том, как защитить диплом по английской литературе. Но затем реальный мир снова вторгся в ее жизнь. – Если вам это интересно, сегодня после наступления темноты приходите в церковь, но только одна. И клянусь своей жизнью, вы, мадемуазель Фонтен, и ваша мать можете доверять мадам Барбье.

– Даже после того, как она рассказала вам о нас?

Отец Клеман подошел к резной входной двери и взялся за ручку из кованого железа.

– Вы считаете, это предательством? Не думаете, что она пыталась спасти вас обеих?

Так и не получив ответа на этот вопрос, он распахнул дверь. Внутри ворвались солнечные лучи, которые на мгновение ослепили Еву. Она повернулась, чтобы попрощаться со священником, но он уже исчез в глубине церкви, оставив Еву наедине с мучившими ее вопросами.

Глава 8



Май 2005

Бен примчался ко мне через тридцать пять минут после того, как я позвонила ему и сообщила, что через восемь с небольшим часов улетаю в Берлин и буду очень признательна, если он отвезет меня в аэропорт.

– Мам, ты с ума сошла? – набросился он на меня сразу, без лишних церемоний, едва я открыла ему дверь. Он стоял на пороге моего дома, на лбу у него выступали капли пота – свидетельство флоридского зноя. – Ты вдруг ни с того ни с сего решила улететь в Германию, а я должен вести себя как ни в чем не бывало?

– Мне все равно, как ты себя будешь вести, – пожала я плечами. – Мне нужно, чтобы ты отвез меня в аэропорт. Но ты, дорогой мой, рановато приехал.

– Мам, это выглядит очень странно, согласишься. – Он вошел в дом, я закрыла за ним дверь, мысленно готовясь к спору. Чем он становился старше, точнее, чем становилась старше я, тем сильнее крепла его уверенность в том, что именно он знал, как для меня будет лучше. В последнее время наши битвы умов обычно сводились к его попыткам убедить меня переехать в дом престарелых – для моего же блага. Но зачем? Я полностью контролирую свою умственную деятельность, зрение и слух у меня почти такие же, как полжизни назад, я хожу на работу и могу самостоятельно доехать на автомобиле до магазина или врача. Да, три года назад я перестала косить траву на лужайке перед домом из-за того досадного эпизода с тепловым ударом. Но теперь этим занимался очаровательный садовник, который обходится мне всего в шестьдесят долларов в месяц.

– Я не понимаю, что тебя смущает. – И, повернувшись к нему спиной, я пошла в спальню, где на кровати лежал мой раскрытый чемодан. – Мне нужно собрать вещи, милый.

В моей комнате много книг, большинство громоздились тяжелыми кипами на прогнутых под их весом полках книжного шкафа, который собрал Луис много лет назад. В этих книгах истории других людей, и я провела всю свою жизнь, растворяясь в них. Иногда ночами, когда темно и тихо и я совсем одна, я спрашивала себя, удалось бы мне выжить, если бы эти страницы не помогали мне убежать от реальности? Но, с другой стороны, возможно, они лишь служили оправданием для моего нежелания жить своей жизнью.

– Мама. – Бен зашел следом за мной в комнату. – Объясни мне, что ты делаешь? Почему именно Германия? Почему именно сейчас? Ты никогда раньше не говорила про Германию! – В его голосе слышалось отчаяние, а также раздражение и досада из-за испорченного дня.

Я достала из нижнего ящика комода серый шерстяной кардиган. Интересно, в это время года в Берлине холодно? Я аккуратно свернула его и уложила в чемодан.

– Бен, я тебе многого не рассказывала о своем прошлом.

Бену теперь пятьдесят два года, он родился через много лет после того, как я распрощалась со всем, что напоминало мне о прошлой жизни. Но дети часто не могут понять, что их родители – независимые личности, со своими мечтами и желаниями; вот и Бен никогда настоящему не знал меня. Ему известно лишь то, чем я с ним делилась: мое тело, которое вскормило его; голос, который его отчитывал; руки, которые его ласкали. Но я гораздо сложнее, во мне заключено множество такого, что никак не связано с ролью матери и чего я никогда не позволяла ему увидеть.

– Прекрасно, – сказал Бен, ероша волосы, которые у него, в отличие от отцовских, густые и темные. К сорока пяти Луис почти полностью облысел, хотя и пытался мужественно прикрыть большую часть головы, зачесывая пряди с затылка. У меня так и не хватило смелости сказать ему, как глупо это выглядело. – Мам, давай поступим так. Ты подождешь несколько недель, а потом мы полетим вместе, хорошо? Я немного изменю свои планы, хоть будет непросто, но раз для тебя это так важно...

– Кажется, мы уже выяснили, что ты очень занятой и важный человек, – спокойно признала я. В этом я его подвела. Я люблю сына больше всех на свете, но время показало, что я совершила ошибку, позволив ему перенять жизненные приоритеты у отца, в то время как я была полностью погружена в мир книг. Почему меня не оказалось рядом, когда нужно было объяснить ему, что такое мужество, вера и отвага? Он хороший человек, я в этом не сомневаюсь, но слишком печется о своем успехе и почти не интересуется тем, что находится в наших сердцах. Я не такая.

– Мам, только не начинай снова, – ответил он усталым голосом. – Знаю, тебе кажется недостатком, что я переживаю за работу. Но, видишь ли, я люблю ее. И это не грех.

Не обращая внимания на его слова, я положила в чемодан темно-серое платье, а затем еще одно – сиреневое. Эти платья я купила много лет назад, потому что они напоминали мне о прошлом, и мне казалось уместным взять их сегодня с собой.

– Бен, – спросила я его, – скажи, я когда-нибудь рассказывала тебе о своей матери?

Теперь он обеими руками теребил волосы, напоминая чем-то безумного ученого.

– А это здесь при чем? – Я молчала, и он, вздохнув, опустил руки в знак своего поражения. – Нет, мама. Не рассказывала. То есть я знаю, что она была француженкой...

– Нет, она из Польши. Как и мой отец.

На мгновение он взглянул на меня обескураженно.

– Верно. Конечно. Но они переехали во Францию, когда ты была еще маленькой, так?

Я кивнула:

– Да, но я не это имела в виду. Я ведь никогда не рассказывала тебе о ней, не так ли? Как она танцевала на кухне, когда думала, что ее никто не видит? О том, как звучал ее смех? Я не рассказывала тебе, какие у нее глаза, Бен, а они были темно-темно карие, как горький шоколад, и от нее пахло ванилью и розами. – Я сделала паузу, чтобы перевести дух, и буквально почувствовала, как он уставился на меня. – Она боялась, что ее забудут, что все воспоминания о ней будут стерты, как будто они хранят самое ужасное, что только может случиться. Но я это сделала – я не рассказывала тебе о ней. Все эти годы она была предана забвению. Ты хотя бы знаешь, как ее звали?

– Мама, – глухим голосом сказал Бен. – Ты меня пугаешь. Почему ты завела разговор о своей матери?

– Файга. Ее звали Файга. – Он точно решил, что я умом тронулась. Внимательно посмотрев на него, я увидела в его взгляде не только сострадание и тревогу, но и раздражение. Он думал о том, что ему нужно сделать, о том, сколько стоила каждая его минута. И я поняла, что единственный выход – быть с ним честной. В какой-то мере. – Бен, дорогой, если тебе от этого станет легче, я поменяю свои планы насчет путешествия.

– Да, мама, вот и славно. Давай сегодня вечером все обсудим, хорошо? И ты расскажешь мне, почему так внезапно решила ехать в страну, с которой тебя ничто не связывает. – Снова вернулся его менторский тон, что немного приглушало мое чувство вины.

– Как скажешь, милый. – Я подошла к нему и крепко обняла. Он позволял себе видеть во мне не ту, кем я на самом деле была, и тем самым стирал меня настоящую так же, как я стерла свою собственную мать. Он смотрел на меня и видел человека, совершенно неспособного позаботиться о себе. Но я не такая. – Бен, я люблю тебя, – добавила я, пока он шел к выходу.

– Я тоже люблю тебя, мама. – Он улыбнулся мне. – И не чуди в мое отсутствие, хорошо?

– Конечно, малыш, – согласилась я. Когда дверь за ним закрылась, я взяла телефон и набрала номер «Дельты». Через десять минут я изменила бронирование на 15:11 сегодняшнего дня. Я вылечу на шесть часов раньше и буду в Берлине завтра в 10:50 после пересадки в Нью-Йорке. Я постаралась убедить себя, что не обманула Бена. Ведь я поменяла рейс, то есть изменила свои планы, как, собственно, и говорила.

Еще много лет назад я узнала, что истина заключается в нюансах. Я вызвала такси и начала складывать в сумку туалетные принадлежности, готовясь к встрече со своим будущим.

Глава 9



Июль 1942

– Ты должна делать то, что говорит священник, – заявила мамуся после того, как Ева забрала ее из книжного магазина, привела в их комнату в пансионе и кратко рассказала о встрече в церкви. – Ради твоего отца. – Пока они шли домой, город сиял в лучах полуденного солнца, а покрытые глиняной черепицей крыши блестели так ярко, словно были охвачены пламенем.

– Думаю, речь идет не только о папе. Отец Клеман хочет, чтобы я сделала кое-что взамен.

– Значит, ты сможешь ему подделать несколько документов, – сказала мамуся после небольшой паузы. – Сколько на это уйдет времени? День? Два? Потом мы должны будем уехать. Все вместе, в Швейцарию.

Ева кивнула, однако она не была уверена, что это будет так просто.

В начале восьмого вечера в их дверь постучали. Ева осторожно открыла и увидела на пороге мадам Барбье.

– Я накрыла ужин в столовой, – сообщила она.

– Но вы же знаете, что у нас нет продуктовых карточек, – возразила Ева.

– Мы в Ориньоне заботимся друг о друге.

Ева тяжело вздохнула:

– Именно поэтому вы рассказали о нас отцу Клеману?

Мадам Барбье отвернулась.

– Я спасаю вам жизнь, мадемуазель, вам и вашей матери. У вас хорошие документы, однако вы не все учли. Пока что не все. – Она развернулась и ушла, прежде чем Ева успела произнести хоть слово.

Несколько минут спустя Ева с матерью уселись за стол в пустой столовой и обнаружили, что их ждало настоящее пиршество. Посреди стола, накрытого на три персоны, стояло блюдо с жареным цыпленком на подушке из зеленого лука, рядом – большая тарелка с блестящей румяной жареной картошкой, бутылка красного вина и графин с водой. Ева с матерью нерешительно переглянулись. Все это было слишком замечательно, чтобы оказаться правдой. Ева не видела такого богатого стола с начала войны. Оглянувшись по сторонам, мамуся быстрым шепотом прочитала Хамоци – еврейское благословение над хлебом, а затем – благословение над вином, и как раз в этот момент в комнату вошла мадам Барбье.

– Надеюсь, вы не против, если я присоединюсь к вам, – сказала мадам Барбье и уселась на стул, не дождавшись ответа. – На окраине города живет фермер, которому я в свое время оказала большую услугу. И теперь он иногда приносит мне еду. Но я не могу съесть все это в одиночку.

– Почему вы нам помогаете? – спросила Ева, пока мадам Барбье резала курицу. От жареной птицы шел пар, и Ева, на секунду закрыв глаза, с наслаждением вдохнула дивный аромат.

– Потому что вы очень многое пережили. – Мадам Барбье положила толстый кусок куриной грудки на тарелку мамуси и зажаренную ножку – на тарелку Евы. – И еще я надеюсь, что вы задержитесь в Ориньоне на некоторое время. Можете жить в своей комнате сколько захотите. Я слышала, что отец Клеман предложил вам небольшое жалованье за работу – этого будет достаточно, чтобы расплатиться за жилье.

– Спасибо, – сказала мамуся, разглаживая салфетку на коленях, – но мы не сможем долго оставаться здесь.

– Само собой. – Мадам Барбье не смотрела в их сторону, пока раскладывала по тарелкам картошку и зелень. Она налила немного вина каждому в бокал. – Мне показалось, что ваша дочь говорила с отцом Клеманом.

Ева сидела как на иголках. Мадам Барбье тихо читала молитву, после чего перекрестилась и принялась есть свою куриную ножку.

– Мы еще не приняли решение.

Мамуся смерила ее пристальным взглядом:

– Конечно же, приняли. Ты добьешься освобождения отца, а потом мы уедем.

Мадам Барбье повернулась к Еве, ее глаза ярко блестели.

– Вы тоже так думаете? Бросите нас, как только мы вам поможем?

Ева вдруг почувствовала, что у нее совсем нет аппетита.

– Я... я не знаю.

– Но твой отец... – сказала мамуся, повышая голос.

Сидевшая напротив мадам Барбье откашлялась.

– Отец Клеман – хороший человек, мадам. Вы можете доверять ему. И он делает благое дело.

Мамуся недовольно посмотрела на мадам Барбье:

– Уверена, что так и есть, но мы здесь совершенно ни при чем.

– *Au contraire*¹⁰. Я думаю, что вы как раз очень даже при чем, если хотите еще раз увидеть своего мужа, – спокойно сказала мадам Барбье.

Мамуся фыркнула и отодвинулась от стола. На мгновение Еве показалось, что ее мать сейчас даст волю праведному гневу. Но та, похоже, передумала, и не последнюю роль в этом, возможно, сыграла стоявшая перед ней тарелка, полная еды. Она снова пододвинула стул к столу, что-то сердито бормоча себе под нос, а мадам Барбье продолжила есть цыпленка с приветливо-отрешенным выражением лица.

– Так вы... живете здесь одна? – спросила Ева, понимая, что пауза уже слишком затянулась.

– Да, моя дорогая, – ответила пожилая женщина. – В прежние, счастливые времена мы с мужем вместе управляли этим пансионом. Ориньон был когда-то популярным местом отдыха для людей, живших в Лионе, Дижоне и даже в Париже, они приезжали сюда летом, чтобы провести время на лоне природы. Затем в тридцать девятом мой муж умер, и началась война.

– Я сочувствую вам по поводу вашего мужа, – сказала мамуся и наконец-то подняла глаза.

– А я сочувствую вам по поводу вашего, но у вас, по крайней мере, еще есть надежда. И у вас есть дочь. – Мадам Барбье кивнула на Еву. – Мой сын пошел воевать за Францию вскоре после смерти отца. И не вернулся.

– Это тоже так печально, – сказала мамуся и посмотрела на Еву, которая тихо проговорила слова соболезнования.

Мадам Барбье выслушала их и кивнула.

– Как вы понимаете, я не питаю симпатии к немцам, даже если этот старый дурак Петен готов вылизывать им сапоги. За мою Францию мой муж воевал в великой войне, а сын отдал свою жизнь. – Она взглянула на Еву, ее глаза полыхали огнем. – И я надеюсь, что вы, мадемуазель, тоже будете сражаться за эту Францию. А теперь прошу прощения, но я уже закончила трапезу. – Она резко встала, отодвинув стул от стола, и взяла свою тарелку. В этот момент Ева заметила, что по ее щеке катилась слеза.

¹⁰ Напротив (фр.).

– Мы ничего им не должны, – пробурчала в скором времени мамуся, нарушив тишину, которая воцарилась с уходом мадам Барбье.

Ева вздохнула:

– Ты ошибаешься. Мне никогда бы не пришло в голову подделывать документы аргентинского посольства. А если бы даже и пришло, я просто не имею представления, как их делать.

– Итак, священник сообщает тебе нужные сведения, мадам Барбье готовит для нас еду. И что получается?

– Но мамуся, это лучшее, что мы ели за последние два года.

Мамуся отвернулась.

– Но это не значит, что мы должны делать то, чего не хотим.

– А если я хочу им помочь?

– Ты ведь даже не знаешь, во что ввязался этот священник.

– Он помогает людям. И, вероятно, я должна сделать то же самое.

Мамуся крепко сжала зубы.

– Если тебе что-то и нужно сделать, *moje serduszko*¹¹, то это позаботиться о своей семье. Не забывай, Франция повернулась к нам спиной. И к тебе тоже. – С тяжелым вздохом она продолжила трапезу, а Ева смотрела, как она ест, и внутри у нее все сжималось от собственной беспомощности.

Может быть, Франция и повернулась к ней спиной. Но означало ли это, что Ева должна поступить так же, когда на карту поставлены человеческие жизни?

В опустевшей кухне она помогла матери убрать со стола и вымыть посуду, а затем ополоснула лицо и в сумерках вышла из пансиона, чтобы встретиться с отцом Клеманом.

Тяжелая дверь церкви оказалась незапертой, но внутри было темно и тихо, лишь слабо поблескивали язычки нескольких догоравших свечей. Еве показалось, что статуя Иисуса над алтарем наблюдала за ней. Ева не понимала, стоит ли ей насторожиться, или причин для опасения нет. На что она рассчитывала? Что отец Клеман радостно встретит ее и расстелет перед ней красную ковровую дорожку? Она на мгновение замерла, а затем направилась к двери справа от кафедры. Та тоже не была заперта.

Отца Клемана Ева там не нашла, но пустая комната выглядела так, словно здесь все было подготовлено к ее приходу. Окна с витражами были занавешены, из-за чего у Евы создалось впечатление, будто она очутилась в подземелье. Помещение освещали три светильника, и еще один стоял на столе в центре. Ева осторожно вошла, закрыв за собой дверь. Ее глаза удивленно распахнулись, когда она увидела, что находилось в самом центре стола. Официальный бланк аргентинского консульства, а под ним – несколько чистых листов плотной бумаги, а также ручки для каллиграфии с красными, синими, черными и фиолетовыми чернилами. Слева от лампы ее поджидала старая пишущая машинка, завидев которую ее отец с радостью тут же начал бы ее осматривать. На углу стола лежала книга в кожаном переплете – та самая, с позолоченным корешком, которая, по словам отца Клемана, была напечатана в 1732 году.

– Отец Клеман? – тихонько позвала она. Но ответом ей послужила лишь тишина. Через несколько секунд она осторожно села на один из двух стульев, стоявших около стола, и взяла оригинальное письмо из аргентинского консульства. Формат стандартный, а печать, как казалось на первый взгляд, довольно легко подделать. Она подождала еще минуту, затем взяла чистый лист и вставила его в пишущую машинку. Сначала она напечатает письмо по предложенному образцу, а уж потом займется шапкой бланка и печатями.

Она рассеянно напевала себе под нос, пока печатала официальное письмо, в котором говорилось, что Лео Траубе, проживавший в Париже на улице Эльзевир, родился в Аргентине,

¹¹ Сердечко мое (польск.).

а потому не может быть арестован по приказу немецких властей. Она написала, что вследствие этого его надлежит немедленно освободить. Закончив печатать, Ева подделала размашистую подпись дипломата, после чего взяла черную ручку и принялась копировать шапку консульского бланка.

Далее наступила очередь красно-синей печати, и Ева подвинула к себе старую религиозную книгу в кожаном переплете, чтобы зафиксировать лист, пока она будет над ним работать. Когда она рисовала печать, ее мысли витали где-то далеко, так часто бывало у нее в моменты творчества. Она ощущала ритм своего дыхания каждый раз, когда ее перо касалось бумаги. Постепенно печать на листе стала обретать форму, а в ее душе просыпаться надежда. Она понимала, что справилась.

Ева уже почти закончила с печатью и рисовала синими чернилами солнце, когда звук открываемой двери заставил ее вернуться в реальный мир. Она вскрикнула и подскочила на месте, сжимая в руке поддельное письмо. Из тени между двумя рядами книжных полок появился молодой человек, в этот момент Ева потянулась за настоящим письмом из аргентинского консульства. Она схватила его и спрятала вместе с фальшивым за спину, заткнув за пояс своей юбки.

Мужчина молча уставился на нее. У него были черные волосы, а глаза в мерцающем свете ламп казались не то зелеными, не то светло-карими. Он был смуглым, с квадратной челюстью, широкими плечами и узкой талией. Выражение его лица было абсолютно безучастным.

– Добрый вечер, месье. – Ева старалась говорить непринужденно и простодушно, но ее голос срывался.

Не меняя выражения лица и не отрывая от нее глаз, он скрестил на груди руки:

– Что вы здесь делаете?

Ева одарила его нервной наигранной улыбкой и стала шарить рукой по столу.

– Да так, решила немного почитать, – ответила она и схватила книгу в кожаном переплете.

– «Послания и Евангелия», – сказал он, немного наклонив голову, чтобы прочесть название на корешке. – Ах да. Ничто так не улаживает чувства, как это двухсотлетнее пособие для еженедельных месс.

Ева почувствовала, как загорелись ее щеки.

– Видите ли, я человек верующий. Отец Клеман сказал, что я могу сюда приходить.

Мужчина по-прежнему не двигался с места.

– Да, он всегда поддерживал любителей религиозной литературы вроде вас.

– Это так.

Он снова смерил ее долгим взглядом. Еве хотелось отвернуться, но сделать этого она не могла.

– Полагаю, – сказал он наконец, – вы и есть печально известная Колеетт Фонтен?

Ее сердце бешено забилося. Неужели отец Клеман предал ее? Или это была мадам Барбье?

– Вы так и будете сидеть, словно изваяние, мадемуазель? – сказал мужчина, не дождавшись ее ответа. – Отец Клеман рассказал мне о вас все.

Ева удивленно моргнула, а затем наконец-то отвела взгляд.

– Не понимаю, о чем вы.

Он сделал шаг ей навстречу, потом еще один. Теперь он стоял так близко, что Ева чувствовала его теплое дыхание на своем лбу, она уставилась на свои ноги, не в силах поднять глаза.

– Мне кажется, все вы понимаете. – При этих словах он обхватил ее рукой, почти что обнял; она вскрикнула. Что это было? Он пришел, чтобы арестовать ее? Мужчина отступил.

Ева почувствовала облегчение, но лишь на мгновение. Она похолодела с ног до головы, когда поняла, что в руках он держал бумаги, которые она пыталась спрятать за пояс юбки.

– Я... я могу это объяснить... – проговорила она.

– Вам не нужно было так кричать, – сказал он как ни в чем не бывало и стал рассматривать документы. – Люди снаружи могли вас услышать. Вы же не хотите, чтобы нас рассекретили?

– Чтобы нас... что?

Он поднял глаза.

– Рассекретили, – повторил он медленно, словно разговаривал с ребенком. – Вы, конечно, знаете, что никто не должен знать об этом тихом месте. Отец Клеман сказал, что вы произвели на него впечатление умного человека, но если вы не понимаете таких простых вещей, то, похоже, он вас переоценил.

Кто этот человек? Может, ей просто сбежать? Она стала потихоньку продвигаться к двери.

– Куда это вы собрались? – У него был удивленный вид.

Она нервно сглотнула и вернулась на прежнее место.

– Никуда. – Должен быть и другой выход. – Послушайте, я просто обнаружила эти бумаги.

Они лежали здесь, когда я пришла сюда, чтобы почитать «Евангелия».

– Вы хотели сказать «Послания».

– Да, да, конечно.

Он снова посмотрел на бумаги.

– Вы пропустили черточку над буквой «е» в подписи консула. Но в остальном – очень хорошо. Я впечатлен. – Он поднял глаза и вернул бумаги Еве, которая смотрела на него с изумлением. – Но есть одна проблема. В ваших документах значится, что вы Колетт Фонтен? Я понимаю, они выглядят достоверно, и я ценю сделанную вами работу. Но откуда у вас это имя?

– Это... это мое настоящее имя, месье.

Он лишь небрежно отмахнулся от ее слов.

– Поздно, мадемуазель. К тому же я не собираюсь причинять вам зла. Я здесь, чтобы помочь. Так вот, такого рода фальшивые имена хороши для чрезвычайных ситуаций, когда приходится срочно уезжать. Но если вы планируете не просто проехать на поезде, а, например, добраться до ворот лагеря для интернированных и освободить одного из заключенных, вам понадобятся более убедительные документы.

– Но я не понимаю...

– Представители властных структур проверят ваши данные по архивным записям, – продолжал он, прерывая ее возражения и не обращая внимания на ее слова. – А теперь я расскажу вам о некоторых способах получить данные настоящих людей. Больше всего я люблю фальшивые документы о демобилизации, потому что их легко подделать. Но они подходят только для мужчин призывного возраста – не для вас, поскольку вы женщина. У нас нет времени искать реального человека, который захочет поделиться с вами своим именем, к тому же город маленький, и я не уверен, что нам удастся найти подходящую кандидатуру. Лично мне кажется отвратительным бродить по кладбищам в поисках нужных имен и дат. – Ева с ужасом наблюдала за ним; ей казалось, что он разговаривает сам с собой. – Но вот газета «Журналь офисьель» – это ваш счастливый билет, мадемуазель. Она уже не раз выручала нас.

– «Журналь офисьель»?

Этот его бешеный поток мыслей вслух окончательно сбил ее с толку. Разумеется, она знала эту газету, которую часто называли «ЖО», – там публиковались тексты законов, указов, а также официальных заявлений для всей страны, но какое это имело отношение к ней?

– Вы наверняка всегда пропускали разделы с информацией о рождениях, смертях, заключениях браков, натурализациях и тому подобных вещах? Я прав? – Он не стал дожидаться

ответа. – Конечно же, прав. Да и кто станет тратить время на эту скукотищу, спросите вы. Так вот что я вам скажу, мадемуазель: я стану. Это же подлинная сокровищница имен, которые только и ждут, когда их позаимствуют.

Она несколько раз удивленно моргнула и наконец поняла, к чему он клонит.

– Вы берете из «ЖО» имена для липовых документов.

– Вы очень смышленная.

Ева пристально посмотрела на него:

– Выходит, вы подделываете документы.

Он усмехнулся.

– Ну, я предпочитаю называть себя художником, а иногда и просто гением. Но подделка документов – это проще для понимания. Так вот, до меня дошли слухи, что вы в этом деле большая мастерица. Вы не против, если мы это проверим? – Он повернулся к книжному шкафу слева от нее и достал несколько книг. За книжным шкафом находился тайник: небольшой отсек размером с хлебницу. У нее на глазах он достал оттуда несколько чистых листов и разложил перед ней на столе, после чего задвинул деревянную панель и поставил на место книги, скрывавшие ее. – Это бланки документов, – сказал он, кивая на бумаги.

Ева опустила глаза. Действительно, перед ней было несколько бланков удостоверений личности, а также просто листов бумаги.

– Но что...

Он снова перебил ее, но теперь его голос звучал повеселее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.